

ПАВЕЛ ВИШНЕВ

ЮНГИ

П А В Е Л   В И Ш Н Е В

Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство
1975

Р2
В55

ХУДОЖНИК Н. МООС

В $\frac{0763-079}{М\ 158(03)-75}$

1

Отец Гурьки Захарова воевал на фронте пехотинцем, а мать на заводе работала. Что она делала там, Гурька толком не знал, да и не очень интересовался. Работает — и все. А вот за обстановкой на фронте следил. Отец писал нечасто и помалу, но как у него обстоят дела на Украинском фронте, Гурька знал. Ни одной сводки не пропускал.

Отца Гурьки звали Василием Михайловичем. До того как его призвали на фронт, он работал токарем на одном заводе с матерью. Портрет Василия Михайловича часто перед праздниками вывешивали на Доске почета. Отец не то чтобы очень гордился этим, но всякий раз, как портрет снова помещали на Доске, он как-то светлел и с Гурькой был особенно ласков и добр.

Сейчас отец воевал, и Гурька аккуратно читал сводки Советского информационного бюро. Ему очень хотелось самому попасть на фронт. С завистью и обожанием смотрел он на военных. Все отдал бы за зеленую гимнастерку, солдатский ремень и кирзовые сапоги, особенно если еще к каблукам и носкам этих сапог прибиты металлические пластинки, чтобы каблуки у сапог не стаптывались, а носки не снашивались. Шаг в таких сапогах получается твердый, с тоненьким звоном ослабевших металлических пластинок. И шпор не надо. Шпоры только мешать будут, да и не видел он, чтобы кто-нибудь теперь ходил со шпорами. Ни о танке, ни о самолете Гурька тоже не мечтал. Ему хотелось быть пехотинцем, как отец.

Жили они с матерью Анной Ивановной вдвоем. Мать работала, а он в школе учился. Учился Гурька середнячком. Иногда и двойки схватывал. И если бы отец не спрашивал в каждом письме про его успехи в учебе, он мог бы совсем забросить школу. Анне Ивановне некогда было наблюдать за ним: на заводе дел полно.

Мать приходила с работы поздно, а иногда и вовсе сутками не появлялась дома: завод спешил выполнить заказ фронта. Без нее Гурька сходит в магазин, паек по карточкам получит и обед себе какой ни на есть сам изготовит. Жили в войну не густо. Пайка не хватало. Однажды Гурька потерял карточки. Пришлось кое-что продать, чтобы дотянуть до следующего месяца, пока не выдали новые. И когда Гурька не терял карточек, все равно продавали. Пороется Анна Ивановна в своем сундуке, который остался ей в наследство от Гурькиной бабушки, матери отца, вытащит из сундука платье, вздохнет и скажет Гурьке, чтобы сходил на толкучку и продал его.

Отцовы вещи мать берегла. Да и ценного, что можно было бы продать, у него было немного: пальто с каракулевым воротником и костюм, в котором он ходил на демонстрации и в гости. Отец давно уже писал, что пальто и костюм можно продать: знал, что в тылу жизнь нелегкая. Но мать пока обходилась.

Однако сундучок у Анны Ивановны был невелик. Все, чем она успела обзавестись до войны, было уже продано. А тут Гурька простудился и заболел. Мать с завода отпросилась. Сама и в магазин и на рынок ходила, за Гурькой ухаживала. Он третью неделю в постели лежал. Болезнь так доняла его, что хоть совсем умирай. В больницу его не взяли. Все больницы и даже некоторые школы ранеными фронтовиками заняты. И сквозь болезненную дремоту Гурька слышал, как докторша, что приходила к ним на дом, говорила матери:

— Питание, питание...

Когда Гурька поправился, поднялся с постели и заглянул на кухню, то обнаружил, что шкаф для посуды исчез.

Мать сказала:

— Продала. Очень плох ты был, ну и продала.

— А папин костюм?
— Костюм цел.
— Покажи.
— Открой сундук и посмотри.

Гурька подбежал к сундуку, поднял крышку и увидел на самом верху аккуратно сложенный и завязанный в марлевую тряпку отцов костюм. Понял Гурька: проболей он еще немного, продала бы мать и костюм.

2

В тот год Гурька пошел в седьмой класс. Мать внушала ему, чтобы он старался: седьмой класс — выпускной. После седьмого класса можно поступить в техникум. Если у него не будет в техникуме троек, ему дадут стипендию. Деньги небольшие, но все легче станет. Война-то вон как затянулась, и неизвестно, когда она кончится. А после техникума пошлют Гурьку на завод мастером...

— Ты на кого хочешь учиться? — спрашивала его Анна Ивановна.

Гурька и сам еще не знал. На военного бы ему, да для его возраста военных школ нет.

— Я, мам, в авиационный техникум пойду.

У Гурьки был свой расчет: если ему сейчас нельзя сделаться солдатом, то хоть в авиационном техникуме будет учиться. А потом его механиком или еще кем в авиацию пошлют, на фронт.

От отца вскоре пришла совсем неожиданная весть. Его ранило в бою, и он лежит в госпитале. Сколько пролежит — неизвестно.

К соседям приходили похоронные или письма с сообщениями о ранении близких. Гурька знал: на войне никто от смерти не застрахован, но чтобы ранили или убили его отца — этого он просто никак не мог себе представить.

Мать прочитала письмо, заплакала, а потом вдруг переменилась и сказала:

— Слава богу, живой. Когда поправляться будет, может, домой на побывку пустят. Ты смотри, Гурька, учись. Отец приедет, спросит.

И Гурька старался. На уроках теперь сидел тише

воды. Своему соседу по парте Николаю Лизунову он сказал:

— Ты, Лизун, не задевай меня, не мешай. А то я тебе такого козла пущу в башку, что неделю будешь чесаться.

Николаю пришлось смириться. Раз друг говорит — нельзя во время урока запускать бумажных голубей или жужжать воткнутой в парту булавкой, значит, на то есть причины. Однако на все расспросы Николая Гурька коротко отвечал:

— Отстань!

Гурька заметил, что и мать как будто стала другой. Писем от отца она теперь ждала с еще большим нетерпением, чем прежде. Вернется с работы, переступит через порог и сразу:

— Письма нет?

Работа у нее, что ли, стала другая. Будто и устает меньше, и домой приходит чистая, аккуратная. Давно уже не следила так за собой.

Зашел как-то Николай и говорит:

— Пойдем, Гурька, искупаемся в последний раз. А то вода скоро холодная будет, не сунешься в нее до будущего лета.

Пошли на реку. Разделись и легли на песке, хотя солнце уже не сильно грело, да и загару на обоих было вполне достаточно. Каждый спустил со спины, плеч и носа по нескольку шкур, и теперь оба были шоколадного цвета.

Гурька любовался рекой, отражением в воде флага, едва колеблющегося на тонком шпиле водной станции.

Николай показал на узкий песчаный остров, нанесенный совсем недавно быстрым течением реки, и сказал:

— Знаешь что? Поплывем! Наперегонки.

До острова было далеко. На такое расстояние плавать Гурька еще не отваживался. Но этот новый остров не давал друзьям покоя. Может, ради такого дела Николай и позвал его сегодня купаться.

Гурька подумал, потом сказал нерешительно:

— На середине, говорят, есть водовороты.

— Ха-ха-ха!.. Испугался! Другие-то плавают!..

Николай поднялся, пошлепал по животу ладонью, стряхивая песок, и решительно заявил:

— Ты как хочешь, загорай тут, а я поплыву.

Это уж было слишком!

Гурька даже сразу не нашелся что ответить. Николай поплывет! А как же он? Махнуть рукой: «Плыви, а я посмотрю»? А на фронте как? Наступление. Река. Товарищи поплыли, а ты, выходит, стой и смотри, как они форсируют водную преграду? Нет, так не пойдет!

Гурька молча пошел за приятелем в воду, а потом поплыл рядом.

— Ну как? — спросил Николай через некоторое время.

— Ничего,— отфыркиваясь, буркнул Гурька.

— А ты дыши ровнее. Не задирай голову слишком высоко и не переваливайся сильно с боку на бок.

«Тоже мне, учит»,— подумал Гурька и нарочно старался сильнее опираться на воду, высоко держал голову.

Он плыл то саженками, то на боку, то на спине и, когда остров был совсем уже близко, почувствовал, что ноги тяжелеют, в руках и в пояснице появилась боль. Сначала было стыдно перед Николаем, и, чтобы не отстать от него, Гурька напрягал все силы. Потом стыд сменился страхом.

Подул ветер. Маленькие гребешки, как кружево, покрыли реку, и она теперь казалась не голубой, как прежде, а мутно-серой.

Гурьке хотелось хотя бы на минутку встать на дно, пускай илистое, жидкое, но только бы немного опереться, чтобы дать отдохнуть телу. Он сделал усилие, мотнул головой и, как плетьми, замахал руками из последних сил.

Так он плыл еще несколько минут и вдруг почувствовал, что задевает ногами дно.

Шатаясь от слабости, Гурька пошел туда, где на песке уже сидел Николай.

Гурька сел рядом.

— Ну, вот и доплыли,— сказал он и смахнул с ноги приставшую травинку.

— Да,— выдохнул Николай.

Вдали маленький буксир тащил баржу. Гурька поднялся на ноги, чтобы рассмотреть надпись на борту буксира.

— Да это «Смелый»! — радостно воскликнул он.— Маленький, а какую баржищу тянет!

Гурька взглянул на плечо вставшего рядом Николая, потом на свое плечо и впервые заметил, что почти одного с ним роста, хотя раньше всегда думал, что гораздо ниже Николая. Гурьку обрадовало такое открытие: «Вырасти бы побыстрее, да на фронт!»

3

И вдруг все разом исчезло: и буксир, и река, и город. Ребята видели только небо, необычное, тревожное. Над самыми головами с глуховатым и в то же время звенящим рокотом, напоминающим клекот хищной птицы, клином летели немецкие самолеты. Что самолеты были именно немецкие, ребята догадались сразу. Советские самолеты не походили на эти ни шумом моторов, ни силуэтами.

Ударили зенитки. Светлые облачка разрывов возникали и перед ведущим самолетом, и внутри строя, но фашисты продолжали лететь, не меняя курса.

Потом клин начал распадаться. Самолеты легли на крыло, и со злым, сверлящим воем на город полетели бомбы. Взрыв... Еще... Еще...

Гурька и Николай взглянули друг на друга и, воскликнув вместе: «Немцы!»,— бросились бежать.

Возвращаться вплавь на правый берег не решились: еще не отдохнули. Они побежали по острову, потом бросились в воду, чтобы добраться до левого берега. Неподалеку находился плашкоутный мост. Через него можно попасть в город. Но когда Гурька и Николай подбегали к мосту, упала бомба и взорвала его почти у самого правого берега. Длинный хвост моста относило течением. А фашист, выйдя из пике, принялся расстреливать из пулеметов скопившиеся у моста автомашины и подводы. Напуганные до беспамятства люди бросались в воду. Одни тут же тонули, другие хватались за что попало, старались вплавь добраться до берега...

Ошеломленные Гурька и Николай смотрели на поднимающиеся над городом черные тучи пожаров.

Город горел в нескольких местах. Ветер усиливался, пожар быстро разрастался, отдельные островки

огня соединялись, и зловещие клубы дыма становились все больше и страшнее, закрывая собой почти полнеба.

Гурька видел, что в районе, где стоял их дом, тоже бушевал пожар. Он вспомнил о матери, которая должна к этому времени вернуться с завода, и закричал:

— Мама! Мамочка!..

Немцы отбомбились и улетели. Оставшиеся на переправе горожане сшибали замки у лодок, садились в них и направлялись на правый берег.

Гурька и Николай бросились к отчаливавшей лодке, но в нее уже набралось много народу, и их не пустили.

Тогда они начали бегать от лодки к лодке и упрашивать дяденек и тетенек взять их с собой. Ребят не пускали, кричали на них, но Гурька все-таки прыгнул на нос одной из лодок.

Николай остался на левом берегу. Гурька от страха за мать как-то сразу забыл о нем. Как и все в лодке, Гурька смотрел на горящий город и злился на хозяина лодки, который предусмотрительно унес весла, оставив только одно кормовое. С одним не очень-то скоро переплывешь широкую и быструю реку.

Наконец лодка ткнулась в правый берег.

Гурька стрелой влетел по крутому откосу на улицу. Чуть не сшиб какую-то женщину.

Он несся мимо горящих домов, вьюном проскальзывал в толпе, перерезал дорогу у самых радиаторов автомашин...

А вот и дом...

Но деревянного одноэтажного домика с крышей из серой черепицы не было. На него упала кирпичная стена стоявшего рядом четырехэтажного здания, проломила крышу и потолок, и Гурька увидел нечто отдаленно напоминающее то, что до сих пор он считал своим домом. Стены расползлись и походили на игрушечную клеть, сделанную из спичек. На оголенной стене болталось на вешалке мамино пальто.

Около соседних домов суетились люди, тушили пожар, таскали куда-то вещи, плакали, проклинали фашистов, а Гурька стоял один у развалин своего дома и не знал, что делать. На него никто не обращал внимания. Тогда он сам стал приставать ко всем и спрашивать — не видели ли они его маму. Нет, Анну Ивановну никто не видел. Может быть, она еще не вернулась с завода?

Гурька сел на землю и горько заплакал.

4

Мать откопали из развалин на третий день после бомбежки и похоронили вместе с другими.

Гурька остался один. Родных в городе у него ни-

кого не было, и его приютила соседка, домик которой уцелел. Звали ее тетя Катя. Она работала в том же цехе, где и мать. Детей у нее было трое: Маруська, Горка и Тоня — все меньше Гурьки. Мужа у тети Кати убили еще в самом начале войны. С тремя детьми ей жилось куда трудней, чем Анне Ивановне с одним Гурькой.

Да что же делать? Тетя Катя была подругой Анны Ивановны. Пожалела она Гурьку.

Гурька и сам понимал, что он для тети Кати лишний рот, и думал пойти работать на завод. Авось найдется и для него какое-либо дело. Ремесленники не старше его, а ничего — работают. Война забрала всех взрослых рабочих на фронт. Снаряды и разные там военные штуки делать нужно — возьмут, небось, и его, хоть мальчишка.

Гурька вспомнил, как в прошлом году летом он ездил вместе со школой помогать колхозникам убирать урожай. В колхозе тоже остались дряхлые старики, женщины да девчонки. Дочь хозяйки, у которой он жил,— пятнадцатилетняя Дуняшка, работала трактористкой в МТС. Она и трактор-то не могла сама заводить. Заведут ей, она и выедет в поле. Умается за день, а работа еще не окончена. Переведет мотор на малые обороты, чтобы совсем не останавливать, ляжет под трактор и уснет. Увидит бригадир — она скажет, что чинила в машине что-нибудь, да вот только сейчас задремала.

Ну, Гурька у станка не уснет! Если бы не малые годы да не отец с матерью, которые хотели, чтобы он учился и кончал семилетку, он давно бы поступил в ремесленное училище или прямо на завод, в ученики. Плохо ли, например, быть токарем? Отец вон токарем работал, зарабатывал хорошо и уважением пользовался: любую вещь на своем станке мог выточить.

А от отца давно не было никаких вестей. Гурька уже и на почте сказал, чтобы теперь письма носили по новому, тети Катиному адресу. Тетя Катя написала Василию Михайловичу и про гибель Анны Ивановны (сам Гурька никак не мог писать об этом), и о том, что его сын сейчас живет с ней и очень ждет, когда отец приедет на побывку.

Пришла как-то тетя Катя с работы, а с ней молодой человек. Посмотрел он на Гурьку и спросил:

— Это ты Гурьян Захаров?

— Я.

— Я из райкома комсомола. Костюков моя фамилия. Здорово.

— Здравствуйте!..

Костюков сел возле стола, положил ногу на ногу, вздохнул и спросил:

— Как жить думаешь, товарищ Захаров?

— На завод пойду.

Костюков посмотрел на Гурьку оценивающим взглядом, потом сказал:

— Хорошо. На заводе люди нужны. Можно и на завод. А учиться хочешь?

— Это в ремесленном, что ли?

— Нет, брат, не угадал. Мы для тебя поинтересней найдем место, где ты сможешь учиться.

— Поинтересней?

— Да. В школу юнг хочешь?

— А что это такое?

— Юнги? Это будущие моряки. Они тоже, как ремесленники, сначала учатся в школе — морской специальностью овладевают, а потом идут служить в Военно-Морском Флоте. Моряками, значит.

По морям, по волнам,
Нынче здесь, завтра там...

Гурька воскликнул:

— Хочу, товарищ Костюков! А где такая школа?

— А ты знаешь, где находится часть, в которой служит твой отец?

— Полевая почта номер 42765.

— Ну, а где эта самая полевая почта? То-то! Военная тайна. Школа юнг тоже военная. Где она находится, узнаешь, когда приедешь на место. Она ведь тоже — полевая почта. Значит, согласен?

— Согласен! Ну как же! Очень даже согласен, товарищ Костюков!

— Правильно!

Но тут Гурька вспомнил об отце.

— А если папа приедет?

— Когда он приедет, еще неизвестно,— вмешалась

в разговор тетя Катя.— А если и приедет, тебя все равно с собой не возьмет. Опять же один останешься.

— Отцу мы напишем,— сказал Костюков.— Он и тебе, и нам спасибо скажет. Встретишься с ним молодец молодцом. Уже настоящим моряком.

5

Гурька оформлял документы, проходил осмотр в военно-медицинской комиссии.

Ему очень хотелось повидаться с Николаем, рассказать о своем решении поехать учиться в школу юнг. И он сделал бы это немедленно, да боялся выдать военную тайну. Костюков, правда, не сказал ему, можно ли говорить товарищам, что он, Гурька, едет в школу юнг. Но раз место, где она находится, является военной тайной, то, может быть, вообще не следует ни с кем говорить об этом?

Уедет Гурька и будет присылать Николаю письма, обратный адрес — полевая почта номер такой-то. Николай не будет знать, что и подумать. Скорее всего решит, что Гурька уехал к отцу на фронт. Писать в письмах о месте и подробностях службы не полагается. А Гурьку так и подмывало сходить к Николаю и поделиться с ним своей новостью. Когда его отправят в школу юнг, в райкоме не говорили. Может, завтра придется уезжать. Должен же он повидаться с другом перед отъездом.

До прихода Костюкова Гурька с Николаем целые дни копались в развалинах. И кое-чего собрали из бывшего Гурькиного имущества. Теперь ему это ни к чему. Надо все Николаю подарить!

Тетя Катя была на заводе. Дома остались только Гурька и первоклассник Гора.

Гурька принес из коридора свой ящик, уселся около него на полу и стал перебирать заветные сокровища: железки, втулочки, шарниры, кусочки жести.

Гора с завистью смотрел на все это богатство со стороны, потом подошел поближе, присел на корточки и, показав рукой на челнок от швейной машины, спросил:

— А это что?

— Это? Это деталь, понимаешь, такая. В швейной машине она бывает.

— В швейной машине?

— Да.

— А тебе она зачем? Дай ее мне.

— Ничего, и мне пригодится. Ну... А не мне, так другому. Впрочем, на, возьми.

— А это что?

— Это ручка от радиоприемника.

— Дай ее мне.

— Ишь ты какой! Все дай да дай! Ты, может, скажешь — и плоскогубцы тебе дай, и вот эту плашку, которой резьбу нарезают, и лобзик, весь ящик, может, тебе отдать?

— А тебе уже все равно. Ты в школу юнг уезжаешь.

— Ты, Горка, об этом никому не говори.

— Почему? Военная тайна? А я все равно знаю, знаю, знаю!.. И если не дашь вот это,— Горка показал пальцем на старый, поломанный выключатель,— всем про твою тайну расскажу...

За такое нахальство Гурька хотел дать Горке по затылку, да раздумал. Расплачется, тете Кате пожалуется. А выключатель? Так он все равно уже негодный.

— Возьми и проваливай отсюдова.

Горка отошел.

Гурька сидел перед ящиком, выкладывал из него вещи на пол, предварительно осмотрев каждую из них, и снова вспоминал свой дом, мать, отца...

Вот лобзик. Отец купил его перед самой войной.

Как же это было?

...Отец пришел с работы и принес газету с таблицей выигрышного займа. Прежде чем начать проверять, не выиграла ли какая-нибудь из облигаций, он пошутил, обращаясь к матери:

— Ну, Аня, заказывай, что тебе купить?

— А ты не загадывай прежде времени,— сказала мать.— Выиграй сначала.

— Должен выиграть: желание у меня есть сегодня такое,— не переставал шутить отец.

Гурька, вертясь около стола, спросил:

— А мне, папа, купишь?

— Подожди. Вперед старших не суйся. А что тебе надо?

— Мне лобзик надо. Я рамки к портретам буду выпиливать.

— Лобзик? Дело хорошее. А ну, посмотрим на твое счастье...

И в самом деле, одна облигация выиграла двести пятьдесят рублей. Они тут же сходили с отцом в сберкассу, получили деньги, а потом зашли в магазин и купили лобзик и пилочки.

Гурька выпилил лобзиком несколько рамок и вставил в них фотографии...

Теперь с лобзиком надо прощаться. Не везти же его с собой. На военной службе с ним некогда будет возиться. И занятие это там было бы неподходящее. К тому же нет пилок. Купленные отцом поломались, а новых достать негде. Война. Пусть Николай пользуется Гурькиной добротой. Он ведь не едет в школу юнг, и моряком ему не быть.

А вот этот будильник Гурька выпросил у матери, чтобы починить. Он испортился и долго стоял в буфете без дела. Отец и без будильника привык вставать на работу вовремя. Он все собирался унести часы в мастерскую, но так и не собрался. А Гурька подойдет к буфету, возьмет их, тряхнет, и внутри затикают невидимые колесики. А через полчаса будильник опять останавливался. «Не может быть,— думал Гурька,— чтобы в нем произошла такая порча, что ее нельзя самому исправить».

Мать разрешила ему почистить будильник. Может, и не разрешила бы, да перед этим Гурька ловко починил примус и доказал, что в технике он кое-что понимает. Почистил Гурька будильник, а он вообще перестал ходить. Сломалась пружина, и погнулся маятник. Оценив Гурькину работу, отец сказал, что теперь отдавать будильник в мастерскую не стоит, дешевле обойдется новый купить.

...Гурька перебирал и перекладывал одну вещь за другой, а на душе у него было очень грустно. И учиться в школе юнг хочется, и расставаться с прошлым тяжело... Это было прощание не только с вещами, которые дороги Гурьке, а со всем: со своим разрушенным домом, с друзьями, с городом, с детством.

Гурька открыл коробочку. В ней лежала линза, раздобытая Николаем для проекционного фонаря, который они вместе конструировали. Всего таких линз требовалось две. Николай говорил, что знает, где можно купить вторую. Не успели...

Все оставалось Николаю: и старые, почерневшие, затупленные о железо ножницы, и кусочки белой жести, и пара подшипников от самоката, и панель от радиоприемника. Все он отдаст другу, чтобы помнил о нем, Гурьке.

6

Алевтина Сергеевна Лизунова, женщина болезненная, не терпела какого-либо шума в доме. А Николай и Гурька, как все мальчишки, любили повозиться, помастерить что-нибудь. Поэтому они встречались у Захаровых или на улице.

Алевтина Сергеевна говорила про Николая, что он разносторонне одаренный мальчик. Правда, никаких особенных талантов никто в Николае до сих пор не обнаружил, но мать верила в способности сына и заставляла его заниматься музыкой и рисованием, наняв для этого двух педагогов. Сам Николай не любил ни музыки, ни рисования и всячески старался увильнуть от этих дополнительных занятий.

У Лизуновых Гурька бывал редко. А если требовалось срочно встретиться с товарищем, он вызывал его каким-либо условным сигналом: свистнет или комочком земли бросит в окно. Алевтину Сергеевну он почему-то боялся.

Гурька сложил все обратно в ящик, сунул Горке ручку от радиоприемника, чтобы он не остался в обиде, и отправился к товарищу.

Николай оказался дома один. Отец — на службе, а Алевтина Сергеевна ушла куда-то.

Сделав знак, чтобы Николай подождал минутку, Гурька сходил за оставленным в коридоре ящиком и, протянув его Николаю, сказал:

— Возьми.

— Что случилось? Тетя Катя не позволяет держать?

И тут Гурька подумал, что не смог бы объяснить товарищу свое решение оставить ему ящик, не выдавая военной тайны, но тот своим вопросом подсказал ему выход.

— Да, понимаешь, бранится... И не то чтобы очень бранится, а ребятишки у нее. Еще растащат.

— А я куда дену ящик? Увидит мама — скажет, чтобы сейчас же выбросил. Ты ведь знаешь, какая она у меня. Пальцы, скажет, порежешь, играть на скрипке не сможешь...

— Спрячь где-нибудь.

— Где?

Николай задумался, потом радостно моргнул и, подняв кверху палец, воскликнул:

— Эврика! Я его спрячу...

Он взял ящик и вышел куда-то. Вернувшись, спросил:

— А как же проекционный фонарь? Где мы будем делать его?

Гурьке снова пришлось вывертываться.

— Поживем — увидим... Что-нибудь придумаем.

— От отца ничего не слышно?

— Нет.

— Да, не повезло тебе. Хоть бы мать была жива. У тети Кати свои ребята. А отец, может, и не приедет. Вдруг разбомбили его госпиталь. На войне всякое бывает. Хорошо, что еще такая тетя Катя нашлась.

Гурьку обидели слова Николая. Почему госпиталь, в котором лежит отец, немцы могут разбомбить? Зачем Николай жалеет его? Гурьке захотелось сказать товарищу, чтобы замолчал. Он проглотил подступивший к горлу комочек, даже не дотронулся до правого глаза, который у него зачесался, и сказал как можно непринужденнее:

— А я в школу юнг уеду.

Сказал неожиданно, помимо воли, хотел бы вернуть свои слова обратно, но уже поздно.

Николай вытаращил глаза.

— Куда, куда? В какую школу?

— Юнг.

— Таких школ и нет вовсе.

— Есть!

— Да нет же!

— А я говорю, есть!

— Ну, а где эта школа?

— Военная тайна.

Николай засмеялся:

— Хо!.. Военная тайна! Скажет тоже! Да знаешь ли ты, кто такой юнга?

— Знаю.

— А ну, скажи.

— Юнги — это моряки, которые на кораблях плавают.

Николай сказал серьезно:

— Верно. Про юнг я читал. Но юнги давно, еще до революции, были. Тогда, по-моему, юнг ни в каких школах не учили. Просто на корабль брали мальчика и называли его юнгой. А где ты узнал, что есть такая школа?

Гурька рассказал и про Костюкова, и про военно-медицинскую комиссию. Осматривали его именно военные врачи, а не гражданские. Гурька даже постарался обрисовать, какие это были врачи, как они выглядели внешне.

— Один такой старый уже. Усы. Покажи, говорит, Захаров, язык. Я ему язык вывернул, а он заглянул в рот, потом тут постукал, там послушал... Хорошо, говорит. А другой помоложе, в очках. Руки у него вот такие, как у тебя. Пальцы длинные и холодные-холодные! Посадил меня на табуретку, велел положить ногу на ногу. Потом вот как по этому месту молоточком стукнет!.. Я — дрыг ногой! Но ничего, не сильно. Годен, значит, и по ногам.

В тот же день у Лизуновых был скандал. Николай заявил отцу и матери, что он непременно хочет ехать вместе с Гурькой Захаровым в школу юнг.

Алевтина Сергеевна поначалу хотела просто отмахнуться от сына, но когда он попросил отца позвонить в райком комсомола — помочь поступить в школу юнг, она и устроила сцену! Упрекнула отца: не занимается воспитанием сына, учителя жалуются, и вообще, чем дальше, тем больше Николай отбивается от рук.

Но у Николая тоже был характер, и он иногда умел его показать. Чтобы Гурька один, без него, да поехал в школу юнг? Нет, это невозможно! Лучше

перенести сколько угодно материнских слез, перетерпеть любое наказание. Если отец не поможет ему поступить в школу юнг, он убежит из дому или сделает что-нибудь совсем страшное. Вид у него при этом был такой решительный, что нельзя было не поверить в непременное исполнение этой угрозы.

Но Николай напугал только Алевтину Сергеевну. Отец, Кузьма Антонинович, подумал, что Николая следует выпороть, однако, зная характер жены, решил не делать этого. Алевтина Сергеевна могла долго и нудно допекать Николая словами, но ничего другого не терпела и не допускала.

Кузьма Антонинович был занят на очень серьезной работе. На Николая у него не хватало времени. А между тем сын действительно все более отбивался от рук. Даже педагоги, которым платили деньги за уроки музыки и рисования, жаловались: плохо он относится к занятиям.

«А к чему все это? — думал Кузьма Антонинович.— Разве меня опекали няни? Жизнь и работа всему научили. В школе юнг Николай лучше научится ценить то, что сейчас само лезет ему в рот».

Кузьме Антониновичу нелегко было признаться даже самому себе, что во многом он виноват сам и не таким он хотел видеть своего сына. Но не всем же быть академиками, инженерами, врачами. Военные люди, защищающие Родину от врагов, нужны не меньше. А сейчас война. Нельзя, чтобы сын рос шалопаем.

Николай стоял у окна и плакал. Он зло колотил кулаком по подоконнику и продолжал твердить:

— Все равно уеду! Вот увидите — уеду!

Кузьма Антонинович прикрикнул на него, приказал перестать дергаться и отправиться в свою комнату.

Когда сын вышел, Кузьма Антонинович сказал жене:

— По-моему, пускай едет.

— Что ты, Кузьма!

— А ничего особенного. Не на худое дело парень просится.

— Да ведь война!

— А ты помнишь, Николенька Ростов в «Войне и мире» Толстого таким же вот мальчиком воевал с французами.

— При чем тут Николенька Ростов? Не понимаю. Война войне рознь. Разве можно сравнивать? То французы, а то — фашисты оголтелые!

— Николай поучится в военно-морской школе, подрастет, человеком станет... А здесь... Ты больная. Тебе трудно с ним. У меня дел выше головы...

Алевтина Сергеевна долго еще не соглашалась с мужем. Ведь Николай у них один сын, надо обязательно дать ему образование, прежде чем отпускать от себя. Школа юнг, наверное, находится близко от фронта, и там его могут убить.

— Школу у фронта никто не будет делать! И потом — мы живем далеко от фронта,— сказал Кузьма Антонинович,— но и нас немцы могут убить при налете на город. Кто даст гарантию, что налет не повторится?

Разговор этот был долгим и серьезным. Но Николай победил. Алевтина Сергеевна уступила уговорам и со слезами бросилась в комнату сына.

7

Группа ребят сидела на скалистом берегу Белого моря в Рабочеостровске и ждала судна, идущего на Соловки.

Гурька и Николай расположились на коричневом валуне и смотрели на море. Небольшие серые волны лениво и монотонно хлюпали о прибрежные камни. По-осеннему хмурое, закрытое туманом море казалось таинственным, полным нового, неизведанного.

Кроме Гурьки и Николая на берегу сидели пятнадцатилетний крепыш Митя Коробков, смуглолицый Жора Челноков, высокий, стройный Ваня Таранин и маленький рыжий Петя Агишин, которого ребята сразу стали звать Петушком.

Пока ехали до Рабочеостровска в поезде, ребята познакомились и многое узнали друг о друге. Все они, кроме Агишина, были из одного города. У Мити Коробкова родителей не было. Он рос и воспитывался в детском доме. У Вани Таранина и Жоры Челнокова отцы воевали на фронте, а матери работали.

Петю Агишина милиция подобрала на вокзале. Он убежал от немцев, которые захватили его село в

Курской области, и хотел добраться до Омска. Там жила одинокая Петина тетка. Но денег на дорогу у него не хватило. На запрос милиции из Омска ответили, что тетка недавно скончалась. Ехать туда Агишину было незачем. Как раз в это время проходил набор в школу юнг Северного флота.

Пете предложили поехать учиться, и он согласился. Дома, в селе, у него остались мать и сестренка. Отец Агишина до войны служил в Красной Армии пограничником. Но с тех пор как началась война, от него не было никаких вестей.

В дороге ребята не только быстро перезнакомились, но и подружились. Гурьке особенно понравился спокойный, рассудительный Митя Коробков. Воспитывался Митя в детдоме, который находился в том же районе города, где жил Гурька. И хотя они учились в разных школах, кое-кто из Гурькиных приятелей бывал на вечерах в Митиной школе, и Коробков знал их.

Николай сблизился с Петей Агишиным. Пока ехали в вагоне, Петушок был у него на иждивении. Алевтина Сергеевна столько набила всего в чемодан Николая, что можно было прокормить еще человек пять. Николай хотел заставить Петушка носить тяжелый чемодан, но это оказалось явно не по силам маленькому Агишину. Чемодан они носили вдвоем. При этом Петушок надувался и пыхтел. Николай останавливался, отталкивал Петушка, взваливал тяжелую ношу на плечо и нес один.

Когда прибыли в Рабочеостровск, лейтенант Соколов, который сопровождал ребят, отправился к начальству — узнать как и что. Ребята с волнением ждали, когда он выйдет из небольшого домика. Через четверть часа, показавшиеся ребятам вечностью, Соколов сбежал с крыльца и подошел к ребятам. Николай спросил:

— Товарищ лейтенант, сколько отсюда до Соловков километров?

— Сколько километров — не знаю, а миль тридцать будет.

— Миль? — переспросил Николай.

— Ну да, миль. В миле одна тысяча восемьсот пятьдесят два метра. Арифметику знаешь? Вот и подсчитай, сколько в тридцати милях километров. А о километрах лучше теперь забыть. Привыкайте мерять расстояние на мили и кабельтовы. Кабельтов — десятая часть мили. Значит, в кабельтове сколько метров?

Николай подсчитал:

— Одну тысячу восемьсот пятьдесят два метра разделить на десять — будет сто восемьдесят пять и две десятых метра.

— Правильно.

Петушок спросил:

— А до Соловков мы сколько часов проедем?

— Хватит, отъездили,— отрезал лейтенант.— Ездят на лошадях, машинах, поездах. А на кораблях ходят и плавают. Запомните, Агишин, ходят! Так вот, если на катере, то пройдем часа четыре. Ясно?

— Ясно, товарищ лейтенант!

Гурька хотел сосчитать в уме, сколько от Рабочеостровска до Соловков километров, но сбился и теперь старался только запомнить число метров в миле и ка-

бельтове. «Одна тысяча восемьсот пятьдесят два метра. Сто восемьдесят пять и две десятых метра»,— повторял он про себя до тех пор, пока не решил, что цифры достаточно прочно закрепились в памяти.

Лейтенант сказал:

— А посуда, товарищи, будет.

Жора спросил:

— Какая посуда?

Лейтенант засмеялся:

— Посуда? Ну небольшое судно, значит.

— Лодка, например,— поспешил уточнить Николай.

— Лодок на флоте нет,— сказал Соколов.— Опять же говорю, отвыкайте от сухопутных терминов, на Военно-Морском Флоте есть лодки, но подводные. Слыхали? Это настоящие боевые корабли. А то, что вы привыкли называть лодками, у нас называются — шлюпки, боты, ялики, тузики... Запомнили?

Ребята хором ответили:

— Запомнили! Ялики! Тузики!

В школе Гурька прежде всего услышал морское слово «полундра». Его выкрикивал кто-нибудь из ребят, дежуривших у дверей, когда в классе стоял кавардак, а в коридоре внезапно появлялся учитель.

А еще Гурька успел узнать, что золотая полоска, нашитая на лейтенантском погоне, называется галуном. Галун нашивается на рукава шинелей и кителей морских офицеров. По размеру и количеству нашитых на рукаве полосок из галуна можно определить звание и ранг офицера плавающего состава.

Лейтенант не скажет «ра́порт» или «ко́мпас», а обязательно «рапо́рт» и «компа́с». Если кто-нибудь из ребят скажет «во флоте», он непременно поправит: «Не во флоте, а на флоте».

Лейтенант по-морскому аккуратен. Пуговицы на кителе горят желтым пламенем. Черная фуражка с белым кантом по краю и длинным козырьком сидит как-то по-особенному, ловко и строго закрывая почти весь лоб. И пистолет у лейтенанта лежит в особой — морской черной кобуре. У сухопутных военных кобура надевается прямо на ремень и торчит на самом бедре. Кобура у лейтенанта висит на длинных ремешках и болтается почти у самого колена.

Все это придает лейтенанту ни с кем не сравнимый вид.

После его замечания о милях, о хождении на кораблях, ботах и тузиках Гурька подумал:

«Вот это да! Все старое, выходит, долой, забудь и жить начинай сначала».

Они только добрались до моря, еще сидят на берегу, а уже столько нового! В школе юнг их будут учить морскому языку. А как же иначе? Если не выучишь всех этих слов, можешь не понять приказания.

— Пойдемте на пирс,— сказал Соколов.

Ребята подняли чемоданы на плечи и пошли за лейтенантом вдоль берега.

Николай не терпел, когда товарищи шли медленно. Ему все хотелось побыстрей добежать до места, чтобы сразу же освободиться от тяжелой ноши. Так и сейчас, увидев стоящий у причала катер, он заспешил к нему. И только хотел поставить ногу на сходни, как резкий голос Соколова остановил его:

— Лизунов! Вы куда?

— На посудину,— ответил Николай, поворачиваясь к лейтенанту раскрасневшимся от напряжения лицом.

— Отставить! Опустите чемодан на землю.

Николай неохотно повиновался и почти возмущенно спросил:

— А почему нельзя на катер? Вы сами сказали, поедем... поедем на катере...

Лейтенант сказал:

— Запомните раз и навсегда: первым на палубу корабля ступает командир. Если его нет, первым идет старший по званию. Это не пароход. При посадке на пароход все несутся как попало, толкая друг друга. Куда вы понеслись? Команды о посадке не было? Не было.

— Так вы же сами сказали «пойдемте»...

— На пирс! А может, вообще придется посадку отменить. Вы и будете с берега на катер, а с катера на берег ползать? Подождем командира катера.

Ребята уселись на чемоданы.

Лейтенант достал из кармана кисет и начал свертывать папироску.

Кисет Соколова тоже особенный — из мягкой коричневой резины. Когда лейтенант доставал из него табак, кисет растягивался и напоминал грушу, которая затем как-то сама складывалась в пухлую булочку. Упади кисет в воду — не замочит она табак и бумагу.

Вскоре на берегу показались двое гражданских, одетых в высокие резиновые сапоги, теплые брюки и зеленые куртки-«канадки» с «молниями» вместо пуговиц.

Один из них обратился к лейтенанту:

— Вы товарищ Соколов?

— Да.

— Садитесь с ребятами на катер. Морской начальник попросил доставить вас на Соловки. Другого судна сегодня, очевидно, не будет.

Лейтенант смущенно посмотрел на говорившего:

— А чей это катер?

— Наш, колхозный. Давайте познакомимся. Председатель колхоза «Полярный» Михайлов.

— Лейтенант Соколов.

— А это наш колхозник, моторист товарищ Катков.

Лейтенант был смущен. Занявшись с ребятами, он не обратил внимания, что на катере вместо военно-морского флага висел обыкновенный красный флажок. Но лейтенант не из тех, кто теряется. И хотя по выражению ребячьих лиц он понял, что его слова насчет того, кто должен первым ступать на палубу, они считают сейчас неуместными, все же скомандовал веселым, звонким голосом:

— Становись!

Ребята построились, снова подняли чемоданы. Михайлов и Катков были уже на катере. Соколов первым ступил на трап.

За ним последовали ребята.

8

Михайлов и Соколов ушли в рубку. Ребята расположились на палубе. Гурька и Николай сели около люка, из которого тянуло теплом работающего мотора,

Катер шел, рассекая волны, и кемский берег, удаляясь, постепенно тонул за туманной полоской горизонта.

Скоро берег исчез, вокруг ничего не видно, кроме колеблющейся громады воды.

Море дышало, поднималось огромными пологими волнами. Небольшой катер на них казался удивительно легким. И всякий раз, когда волна поднимала судно, Гурька всем телом ощущал страшную силу моря.

Море играло катером, качало его на своих глянцевитых ладонях. Казалось, это оно, а не мотор двигает катер вперед, передавая его с одной ладони-волны на другую.

Море пугало. Хмурое, бескрайнее, оно гневно дыбило серо-свинцовые волны, не замечая катера — жалкой скорлупки, которая, казалось, целиком находится в его власти.

И Гурькой овладела робость перед грозной стихией. Он казался себе ужасно слабым и ничтожным в сравнении с нею.

Сидевший рядом Николай что-то ел, уставившись светлыми глазами в палубу.

А Гурька почувствовал себя плохо. И почему этот Лизунов все время ест?

Гурька стукнул его по руке, вышиб кусок хлеба.

— Брось, Лизун. Не нажрешься никак.

Николай обиделся:

— А тебе чего надо? Не твое ем.

Гурька отошел к корме.

На гребнях волн курчавилась пена, катер подбрасывало так, что Гурьке иногда казалось, словно он отделяется от палубы и она уходит из-под ног.

Волны ударяли о борт катера, и брызги летели на палубу. Иная волна, словно не рассчитав прыжка, падала перед самым бортом, рассыпалась косматой гривой и, нарастая снова, скользила вдоль судна с клекотом и урчаньем.

Одна волна перескочила-таки через корму и окатила Гурьку. Он поспешил обратно к Николаю. Тот по-прежнему жевал. Гурька отвернулся от него, чтобы не видеть ставшей вдруг противной физиономии друга.

Ребята перебрались на высокую носовую часть катера.

Из рубки вышел лейтенант и, окидывая взглядом нахохлившихся ребят, спросил:

— Что, товарищи, болтает немного?

Ему никто не ответил.

— Ничего,— сказал лейтенант.— Небольшой свежий ветерок и только. Не больше четырех баллов. Скоро будем на месте.

Гурька стоял на узкой металлической лесенке и держался за поручни.

Волны одна за другой перекатывались через корму, и вода попадала через люк в трюм.

Лейтенант заметил это и закрыл крышку люка. По палубе он ходил спокойно, словно по твердой земле, и Гурька подумал, что ему придется долго привыкать, чтобы чувствовать себя в море так же уверенно, как чувствовал и вел себя лейтенант.

У Гурьки нарастал противный приступ тошноты. Он открыл рот и жадно хватал им прохладный сырой воздух.

Михайлов вышел из рубки. Он стал на самом носу катера и давал какие-то распоряжения мотористу. Несмотря на ветер, густой туман плотной пеленой обступил катер, и в десятке метров от него уже ничего не видно.

Гурьке совсем стало плохо. Он так и не смог справиться с подвалившим приступом тошноты и повис над бортом. Лейтенант стоял рядом и держал его за бока, чтобы не свалился в воду.

— Ничего, ничего, Захаров. Моряк из тебя все-таки получится. Соображаешь? Ну, а если соображаешь, то все остальное пустяки. Редкий человек переносит первую качку спокойно. Потом пройдет. Привыкнешь. Один-два похода, и все как рукой снимет... Вон твой друг Лизунов жует. У некоторых так и проходит. Ты травишь, а его голод одолевает.

Гурька посмотрел на Николая. Тот стоял, прислонившись к рубке, и ел воблу.

9

Показались Соловки. Сначала это были отдельные скалистые острова без каких-либо признаков жизни.

Потом завиднелся маяк на лесистой, похожей на шишку горе.

— Гора Секирная,— сказал лейтенант.— А знаете, почему она так называется? Потому что на ней секли розгами провинившихся монахов, которые жили в Соловецком монастыре. Вот гору и назвали Секирной. Давно это было, ребята. На Соловках многое узнаете.

Гора постепенно вырастала из воды, все выше поднимая темную башню маяка.

Уже вечерело. Ветер у островов стих, и качка прекратилась.

В сумерках вырисовывался пологий берег с высокими стенами старой крепости, островерхими башнями по углам ее и в середине, с куполами монастырских соборов, небольшими домиками поселка.

Это было похоже на сказку. Судно входило в бухту, на берегу которой стояла древняя крепость с несколькими рядами амбразур в башнях. Кажется, сейчас блеснут огни выстрелов, и над морем прозвучит раскат приветственного салюта.

Глядя на берег, Гурька вспомнил стихи великого поэта:

Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.

Катер лихо развернулся и, стукнувшись кормой о стенку причала, остановился, пуская буруны и синеватые клубочки дыма.

Лейтенант первым выскочил на берег и скомандовал:

— Станови-ись!

Ребята построились, а потом пошли за лейтенантом к небольшому каменному зданию, стоявшему неподалеку от крепостной стены.

Соколов сказал, чтобы они подождали его у крыльца, а сам заспешил по широкой крутой лестнице.

К ребятам подошел матрос. Кареглазый, с ленточками бескозырки на груди, он остановился и, заложив правую руку за борт бушлата, некоторое время рассматривал их. Брюки на матросе были новые, хорошо поглаженные и такой ширины, что полностью закрывали носки ботинок.

Матрос отставил левую ногу в сторону и спросил:
— В школу юнг, кореши?
— Да, в школу юнг,— ответил за всех Николай, любуясь матросом.
— Через Кемь или Архангельск ехали? — продолжал спрашивать матрос.
— Через Кемь! — откликнулось сразу несколько голосов.
Матрос явно всем нравился.
— Долго там были?
— Нет, недолго.
— Часа два.
Матрос улыбнулся одними карими глазами, но по-прежнему серьезно спросил:
— А в Кеми на клотике чай с мусингами пили?
Ваня Таранин ответил:
— Нет, не пили.
— Вот это зря,— сказал матрос и засмеялся.
Гурька понял, что матрос подтрунивает над ними. Он шагнул к нему и, сжав кулаки, спросил:
— Чего смеешься?
— Тю!.. Салага!..— воскликнул матрос, засунув обе руки в карманы брюк и выставив вперед живот.— Ха-ха-ха!
— Сам салага! — возразили ребята. Они еще не знали, что такое клотик и мусинги, но слышали, что салагами на флоте в насмешку называют самых молодых моряков.
Митя Коробков сказал, становясь рядом с Гурькой:
— Мы еще встретимся. А пока отчаливай!
В это время в дверях штаба появился лейтенант. Матрос поспешил уйти.
Соколов заметил возбуждение ребят, спросил:
— В чем дело, товарищи?
Митя ответил:
— Да вот прицепился тут один... Интересовался, пили ли мы в Кеми на клотике чай с мусингами.
— Понятно,— сказал лейтенант.— Сам моря как следует не видел, жизни морской не испытал, а других подначивает. Что такое клотик? Это наделка на верхнем конце мачты в форме кружка. А мусинги — утолщение, сплетенное на тросе. Яблоки такие из воло-

кон троса. Когда матрос лезет по вертикально подвешенному тросу, он опирается ногами об эти мусинги. Для этого они и делаются. Понятно? Матрос старую шутку с вами подшутил, на которую сам, наверно, недавно попался. Молодых первым делом на этом стараются поймать, спрашивают их, пили ли они чай на клотике. Обижаться на это особенно не стоит. Моряки любят подначку.— И, переменив тон, закончил: — Сейчас машина подойдет. Поедем в Савватьево. Там я вас и сдам.

10

Две роты юнг, которых не вместили здания соловецкого кремля, дислоцировались в Савватьеве. Здесь имелось всего два больших здания. До революции в них размещались гостиницы для приезжавших в монастырь богомольцев. Теперь они отводились под классы школы юнг. В других небольших зданиях разместились различные хозяйственные службы: склады, баня, казарма для хозяйственной команды, гараж, конюшня, портняжная и сапожная мастерские.

Юнги жили в палатках. К зиме они сами должны были построить для себя землянки. Война заставляла мириться со многим. Школа юнг Северного флота должна быть создана, и командованию ничего другого не оставалось, как сделать тринадцати-пятнадцатилетних мальчиков строителями, заставить их копать землю, валить лес и таскать его на маленьких ребячьих плечах.

У школы имелись всего одна грузовая машина-полуторка и лошадь, которые использовались для ежедневной подвозки из кремля хлеба, кирпича для кладки в землянках печей и на прочих работах.

В Савватьеве ребятам пришлось пройти еще одну медицинскую и приемную комиссии. Гурьке и его товарищам предложили учиться на мотористов, потому что все они окончили по шесть классов. С семью классами принимали в смены* радистов, а с четырьмя и пятью — в смены боцманов.

* Смена — здесь группа юнг в 25—30 человек, занимающихся в одном классе.

Гурька снял гражданскую одежду, сложил ее в чемодан и сдал на склад. Теперь он ходил в бескозырке, серой полотняной рубашке, таких же брюках и черных яловых ботинках.

Землянки строили на берегу озера. Каждая смена строила для себя отдельную землянку.

Песчаный грунт хорошо поддавался лопате, но в нем встречалось много толстых корней деревьев. Выкорчевывать корни было делом нелегким. Еще утомительней — возня с камнями: в почве их тоже немало.

— Вот это боров! — воскликнул Митя Коробков, осматривая новый большой валун.

— Ничего себе картофелина,— пошутил Жора Челноков.— Одной на всю роту хватит.

Митя распорядился:

— Зовите ребят на помощь.

Петушок закричал тоненьким голоском:

— Эй! Юнги! Юнги второй смены! Сюда!..

— Сюда! — поддержал его Ваня Таранин и замахал над головой бескозыркой.

Когда вокруг камня собралось человек пятнадцать, Митя спросил, обращаясь ко всем:

— Вытащим?

— Как? — спросил Николай.

— На край котлована положим толстые доски, вкатим на них камень, а потом будем передвигать его вверх.

— А если сорвется? — усмехнулся Николай.

— «А если... если»,— передразнил его Жора.— Если бы да кабы, не росли бы в лесу грибы. Давайте, ребята, возьмемся.

Притащили доски, сделали из них сходни. Потом навалились на камень. Каждый уперся только одной рукой, потому что всем хотелось принять участие в извлечении камня из котлована, но он был не так уж велик, чтобы за него могли взяться сразу пятнадцать человек.

Петушок бегал сзади стоявших вокруг камня юнг и просил:

— Пустите! Пустите меня!

Но и Петушок не помог. Камень не поддавался и лежал недвижимо.

— Постойте! — крикнул Гурька.— Так у нас ниче-

го не выйдет. А ну, Петушок, тащи вон ту слегу. А ты, Жора, помоги мне подложить вот эту плаху сюда, под камень. Устроим рычаг первого рода. Как сказал старик... Как звали старика, ребята? Кажется, Архимед... «Дайте мне точку опоры, и я переверну земной шар». А мы перевернем камень. Раз, два, взяли!..

Юнги навалились на слегу, повисли на ней, и камень поддался. Повернувшись на другой бок, он тяжело лег на доски. Потом обвязали его тросом и стали тащить по доскам. Юнги, стоявшие на сходнях, подталкивали камень слегой и руками.

Когда устали, подложили под камень плаху, чтобы не съехал обратно, и сели отдыхать.

Таранин сказал Челнокову:

— Жора, ты силен в математике. Реши задачу.

— Какую?

— А вот: сколько понадобилось бы лошадей, чтобы вытащить эту каменюгу из котлована?

Жора подумал, потом сказал:

— Смотря какая лошадь. Может и одна вытащить,

— Ну, это уж если какой-нибудь битюг с сельскохозяйственной выставки. Тот сможет. А ты рассчитай на обыкновенных лошадок. Возьми лошадиную силу, как это принято в задачках по физике. Аш-пэ — семьдесят пять килограммометров в секунду.

— Две лошади надо! — крикнул Митя.

— Вот. А нас? — Таранин сосчитал сидящих вокруг юнг. — С Петушком семнадцать. Семнадцать, деленное на два, дает восемь. Петушка мы откинем как неделимый остаток. Значит, восемь юнг, или одна лошадь.

Юнги засмеялись.

— Тоже арифметика с физикой! — обиженно сказал Петушок, силу которого Ваня не принял в расчет.

Гурька воскликнул:

— Петушок обиделся! Давайте сделаем поправку. Половину лошадиной силы прибавим на Петушка...

Все снова взялись за лопаты. Николай сказал:

— Ворочай вот тут камни... Землю копай. Всю жизнь только об этом и мечтали.

Он ударил лопатой по толстому корню, она отскочила, как от резины, чуть не стукнув концом ручки Николая по голове. Николай швырнул лопату.

— Солдаты на фронте немало этой земли переворачивают,— примирительно сказал Гурька.— Окопаются, их тогда никакая пуля не берет.

— Так то на фронте. На фронте я эту землю, может, без сахару и сметаны стал бы жрать вместо пирожного. А здесь не хочется.

Николай опустился на землю и, опираясь на локоть левой руки, стал смотреть на шумевшие сосны. Он срывал былинки, клал их в рот и лениво пережевывал.

Жизнь в школе юнг Николаю показалась с самого начала серой и скучной. Уезжая из дому, он мечтал, что здесь его сразу оденут в красивую морскую форму, будет он служить на корабле. А тут приходится строить землянки, иногда мокнуть под дождем и вместо черных суконных брюк, бушлата с блестящими медными пуговицами и синей шерстяной форменки носить рубаху и брюки из серого грубого полотна — «робу».

Впереди предстояли учеба и жизнь в землянке. Что в этом хорошего? Зачем это надо, чтобы он строил землянку, мок под дождем, ворочал камни, копал землю? Чтобы выучиться на моториста? Море рядом. Но его даже и не видно за лесом. И выходит, как был, так и остался ты сухопутным человеком.

Он не заметил, что в котлован спустился командир второй смены старшина первой статьи Цыбенко. Он остановился около Николая, подождал, потом окликнул:

— Юнга Лизунов!

Николай повернулся к старшине лицом, но на ноги не поднялся.

Цыбенко спросил:

— Вы больны, Лизунов? Почему не работаете?

— Я работаю,— ответил Николай, неприязненно посмотрев на командира смены.

— Работаете? А я бачу, що вы сачкуете!

Николай все так же неприязненно и даже вызывающе смотрел на Цыбенко, лежа на боку.

Старшина приказал:

— Встать! С вами говорит командир смены. Надо самому трудиться, а не дывыться, як другие работают. За другими я сам подывлюсь. Берите лопату!

Николай поднялся и взял лопату. Он озорно посмотрел в лицо старшине и спокойно спросил:

— Товарищ старшина первой статьи, а как поморскому будет лопата?

— Юнга Лизунов! — крикнул Цыбенко так, что голос его стало слышно далеко.— Явитесь ко мне после обеда!

— Есть явиться к вам после обеда! — ответил Николай и, вытянувшись, смешно прижал лопату к боку, точно в руке у него была не лопата, а винтовка.

Цыбенко ушел, а Николай, проводив его все тем же веселым, озорным взглядом, снова уселся на землю.

— И кому хочется, ребята, ишачить, а?..

Но его безделничанье юнгам показалось обидным. Митя посмотрел на него сурово и спросил:

— Ты что, в самом деле собираешься лежать так целый день? Землянку мы строим для кого? Тебе ее не надо? А ну, берись за лопату!

Николай поднялся.

11

После обеда по распорядку дня тихий час. Все, начиная от командира роты старшего лейтенанта Стифеева до дневального смены, следили за тем, чтобы в это время юнги спали. Но юнги — не старики. Не привыкли считать покой в постели за отдых.

Койка Петушка стояла рядом с Гурькиной. Выставив из-под одеяла маленькую рыжую голову, он шепотом рассказывал:

— Озер, ты знаешь, сколько здесь? Много! А рыбы!..— Петушок схватился за голову и зажмурил глаза.— Тьма! Окуней — страсть сколько! Видел я, один старик рыбачил. Словно кто ему этих окуней нарочно сажает на удочку. Таскает и таскает... И плотва крупная попадается. Во какая! Эх, крючок достать бы!..

— Можно самим сделать.

— Из булавки?

— Ну да.

— Я думал об этом. А где булавку взять?

— У меня есть.

— Честное слово?

— Раз говорю, значит, есть.

— А ты знаешь, здесь в каждом озере своя рыба. Клянусь! Ну окунь же, конечно, но в каждом озере другой. Коли озеро заболочено, со ржавчинкой,— окунь темный, мелкий. А если в озере вода светлая — и окунь светлый, покрупнее. Прямо во каких старик ворочал! — Петушок стукнул ребром правой ладони по локтю левой руки.— Интересно, на вкус они какие — разные тоже или одинаковые? А у тебя булавка одна?

Гурька успокоил Петушка:

— Да что мы, булавок, что ли, не достанем?

В это время Николай стоял перед командиром смены, который сидел около своей палатки за небольшим столиком, сколоченным из неструганых досок...

Николаю уже надоело стоять перед старшиной по стойке «смирно», и он иногда менял ее на положение «вольно», перенося тяжесть тела на одну ногу. Заметив это, Цыбенко кричал на него:

— Як стоишь!

Николай нехотя подтягивался, косил глазами на прохаживающегося неподалеку дневального.

— Який из тебэ выйдэ моряк, если ты боишься работы?

— Я работал.

— Отставить пререканье! Я ж говорю тебе, що моряка из тебя не выйдэ. Як есть сачок, там им и будэ. Все работают, а он на сосны дывытся. Чого ты там не бачив?

— Я только остановился...

— Тилько? А мабуть, не тилько?

— Ну, что вы, товарищ старшина первой статьи!

— Отставить разговорчики! А потом, что за вопрос: «Як называется по-морскому лопата?» Я вам кто? Кто я вам, юнга Лизунов?

— Командир смены. Так все слова-то какие? Салага, сачок... Может, и лопата...

— Отставить, кажу!

— А чего вы на меня кричите?

— Я не кричу, я розмовляю с вами. Ясно? Хотел ограничиваться одним внеочередным нарядом, да бачу, вам цего будэ мало. Ну, это мы потом решим. Придется доложить командиру роты. Идите.

Николай повернулся кругом, но не очень удачно, и старшина скомандовал:

— Отставить! Кру-гом!

Так он заставил его повернуться три раза, пока Николай не выполнил поворота четко.

12

Вскоре Николаю пришлось отправиться выполнять два внеочередных наряда. Его послали в столовую, которую называли камбузом.

На небольшой поляне стояло несколько длинных столов, сколоченных из досок. Над столами сделан навес, он рассохся, и случалось, что в ненастную погоду через щели в бачки и миски обедавших юнг лил дождь.

Дежурившие по камбузу юнги чистили картошку, разделывали треску, мыли столы и посуду, лопатили пол, возили из озера в бочке воду.

Чистить картошку, мыть посуду и столы легче, чем копать землю и валить деревья. Но на камбузе приходилось еще пилить и колоть дрова для топок под котлы.

Николаю порой хотелось сейчас же отправиться на фронт, переносить там все трудности боевой жизни, может быть, геройски погибнуть от вражеской пули или снаряда — только не копать землю, не пилить дрова на этом далеком скучном острове.

Вместе с Николаем дрова для камбуза пилили рыжий Петушок и Борис Лупало — самый высокий юнга в роте. Широкий в плечах, кривоногий, с большим, красноватым от постоянного насморка носом, Лупало выглядел не пятнадцатилетним мальчиком, а взрослым парнем.

— Вот что,— сказал Лупало, усаживаясь на чурбан и доставая из кармана небрежно скомканный клочок газеты.— Есть предложение познакомиться с географией данного острова и его природными условиями.

— На экскурсию, что ли, сходить? — спросил Петушок, наблюдая, как Лупало свертывал папироску.— Ты внеси предложение на ротном собрании.

Лупало послюнявил газету, сунул папироску в рот, прикурил и, пуская дым через нос, сказал:

— С ротой никакой путной экскурсии получиться не может. А вот если мы втроем... Колоть дрова найдется дураков и без нас. А нам надо смыться и посмотреть, что произрастает в лесу и какая в нем водится дичь. Изучить флору и фауну.

— А если влетит? — спросил Николай.

Петушок и Гурька сделали удочки и собирались в ближайший выходной рыбачить. Петушок не дождался воскресенья, и Цыбенко нашел его на берегу озера в то время, когда все другие работали. Вот и получил Агишин внеочередной наряд.

— Еще судить будут,— сказал Петушок.

Лупало переспросил:

— Нас, юнг, судить? Ну, этого не может быть. Мы еще годами не вышли. Нас должны воспитывать, а не судить. А если и влетит, то просто нас вернут к работе, которую мы сейчас временно оставим. К вечерней поверке вернемся.

После некоторого раздумья Николай и Петушок приняли предложение Лупало. Они захватили с камбуза два бачка, в которые можно собирать грибы и ягоды, горсть соли и немного хлеба.

Лес был рядом. Ребята углубились в него и обошли лагерь стороной.

Лес полон грибов и ягод. Николай и Петушок набросились на красную бруснику, ели ее горстями, а когда первая охота была утолена, стали собирать в бачок.

Лупало решил сварить грибницу и ломал белые грибы.

Юнги вышли к большому озеру и на берегу увидели маленького старичка. Он сидел на груде камней, подняв кверху длинную седую бороду. Одну руку старик положил на колено, другой опирался на палку. У ног его лежали удочки. Он смотрел в небо и не замечал юнг.

Петушок сразу узнал в нем того самого старика, с которым он уже встречался.

— Дедушка! — окликнул он старичка.

Старик повернул в сторону ребят бороду и посмотрел на них с улыбкой.

— Вы откуда, дедушка? — спросил Николай.

— Из колхозу.

— А что вы делаете здесь? — спросил Лупало. Его заинтересовали узкие коридорчики, сделанные из камней вокруг центральной груды, на которой сидел старичок.

— А ничего, сынок. Сижу.

— Камнями играли, что ли? — снова спросил Лупало.

Старик засмеялся, показав пустой, без единого зуба рот.

— Кабы в твои годы, может, и поиграл бы. А теперь самому себя таскать тяжело. Да знаешь ли ты, что это такое?

— Откуда мне знать? Вы скажите.

— А ты посмотри, сынок, посмотри получше.

Юнги принялись рассматривать камни. Одни из них были высотою по колено, другие меньше. Камни влежались в землю и кое-где обросли мохом. Значит, положили их здесь давно.

— Ну? Поняли что-нибудь?

— Ничего не поняли,— ответил Николай.— Видим, что камни тут лежат давно.

— Вот то-то и оно — давно. Так давно, что никто не знает, когда их положили. Вавилонами в народе эти кладки зовут.

— А что такое вавилон? — спросил Петушок.

— Хочешь испытать?

Петушок поколебался немного, потом ответил:

— Хочу. А как испытать?

— А ну, иди вон туда...

Старик показал на край вавилона, где первый коридорчик раздваивался на два хода. Когда Петушок встал в указанном месте, старичок сказал:

— Вот перед тобой два входа в вавилон. Каждый из них ведет ко мне. Только, чур, через камни одного ряда в другой не перешагивать и идти до конца, а обратно не возвращаться. Которым ходом пойдешь?

Петушок пошел влево. Он долго ходил между камнями, то приближаясь к центру, где, все так же посмеиваясь, сидел старичок, то удаляясь от него.

Николай решил тоже пройтись по вавилону, пошел через правый вход и скоро оказался около старичка,

А Петушок все еще кружился по стежке между камнями. Но наконец и он добрался до центра.

— А теперь оба выходите,— сказал старичок.— Нет, ты следуй дальше, а ты иди своим путем.

Юнги поняли, что это был выложенный из камней лабиринт. Им захотелось разгадать его до конца. Николай и Петушок пошли обратно. Петушок быстро побежал между камней. Он надеялся, что выход будет скоро. Но почему-то он снова попал на длинный путь. На этом же пути оказался и Николай.

Старичок сидел и весело смеялся, вздрагивая всем худеньким телом и покачивая головой.

Петушок и Николай устали, пока через левый выход не вышли из лабиринта.

Старичок сказал:

— Смотрите.

Он легко пошел по коридорчику, обошел два раза центральную кучу и сразу оказался у правого выхода.

— Видали вавилон?

— Это лабиринт,— сказал Николай.— Игра есть такая.

— Какой такой ла... лабаринт? — сердито спросил старичок.— Говорят тебе, вавилон! Нашел игру!..

Лупало позвал:

— Пошли, кореши.

Юнги оставили старичка, спустились к озеру, чтобы сварить грибницу.

13

Кое-где в землянках уже настилали полы, клали печи, сооружали крыши, прикрывая их сверху дерном.

Хозяйственная команда матросов неподалеку от лагеря заканчивала строительство большой столовой.

А перед ротами юнг уже стояла новая задача: заготовить на зиму топливо. От каждой смены выделялась группа юнг. Старшим в одной из них был Гурька Захаров.

Он работал вторую неделю. На руках набил мозоли. К середине дня начинала болеть спина, и когда после отбоя ложился, засыпал мгновенно.

Плохо, что никто не умел как следует наточить пилы и топоры. От крепкого сучка тупой топор отскакивает, как мяч от стенки. Пилу с плохо разведенными зубьями постоянно зажимает в сыром бревне. Заготовлять дрова таким инструментом очень трудно, и вообще эта работа не из легких, да еще для юнг. С тяжелыми колунами могли управиться только самые сильные из них.

Пошли дожди. Северные лохматые тучи застилали небо. Воздух в лесу постоянно сырой. Когда дождь усиливался, юнги укрывались под деревьями. Но ветви были полны крупных капель, которые, тупо ударяясь о бескозырки и плечи, попадали за воротник, вызывая во всем теле неудержимую дрожь.

Иногда Гурькой овладевала тоска по родному городу, где много разного народа и хоть изредка можно сходить в кино. Здесь, на острове, пожалуй, тяжелее всего казалась оторванность от Большой Земли. Здесь не было ни войны, ни мира. О войне юнгам рассказывали офицеры, и это поддерживало ребят, позволяло им сравняться в чувствах с бойцами фронта, которым тоже очень трудно.

Гурька особенно тосковал по отцу. Писем от него так и не было. Как-то он там, в госпитале? Выздоровеет ли? Увидятся ли они?

А разве его не тянуло побродить по лесу? Теперь у него была удочка, и в прошлое воскресенье он ходил на рыбалку. За какой-нибудь час он наловил много окуней, из них получилась прекрасная уха. При таком клеве он готов ходить на рыбалку каждый день. Совсем не уходил бы с озера. Хотелось пойти в лес, играть там на мягком, как перина, мху.

Но Гурька теперь собирал ягоды только во время коротких минут отдыха, вблизи делянки, на которой заготовлялись дрова. А лес манил, звал идти дальше!..

Лизунов часто уходил с Петушком в лес или на озеро и бродил там целыми днями.

Однажды они появились на делянке. Петушок полной горстью брал из бачка ягоды и отправлял в рот. Он выпячивал живот и ходил вразвалку, увешанный кистями черемухи и рябины. Вид у него был такой, что сразу можно догадаться: ничего-то он не боится, и все ему нипочем.

Николай подошел к Гурьке и протянул ему ветку рябины. Гурька хотел отказаться, но, поколебавшись, все-таки взял. Он отщипнул несколько ягод и спросил:

— Цыбенко не боишься?

— А чего его бояться? Не съест. Судить нас все равно не будут. Года у нас маленькие.

Гурька посмотрел на высокого, кривоногого Лупало, и тот, как бы отвечая на этот взгляд, сказал, растягивая слова:

— Судить не будут. Мы — юнги. Присяги мы не принимали. И вообще дети. Ха-ха-ха! Понятно?

Лупало смеялся густым, басовитым смехом. Тонко и заливисто, закинув назад голову и еще больше выпятив живот, ему подпевал Петушок:

— Хи-хи-хи!..

Юнги молча смотрели на хохочущего Лупало и заливавшегося в неудержимом смехе Петушка.

Гурька заметил, что его одного угостили ягодами, и ему почему-то стало стыдно. Он повертел в руках

ветку с пламенеющими ягодами рябины, швырнул ее на землю и сказал:

— Мы тут работаем, а вы ягодки собираете? Что мы, ишаки — на вас батрачить?

— А вы не батрачьте,— сказал Лупало.— Работайте, но сочетайте полезное с приятным. Надо же отдохнуть, местным краеведением заняться. Ха-ха-ха!..

— На фронте так говорят?

— Так то на фронте,— сказал Николай.— Здесь не фронт. Зачем нас привезли сюда?

Гурька усмехнулся:

— Ягодки собирать.

Лупало бросил в широко открытый рот горсть ягод и, подойдя вплотную к Гурьке, вызывающе спросил:

— А ты что тут за начальник выискался? Выслуживаешься? Все равно в адмиралы не попадешь! На фронте!.. Стучи топором, если тебя тут вместо дятла поставили, а в чужие дела не суйся.

— А ты чего привязываешься? — возразил Гурька Лупало, меряя его взглядом.— Думаешь, напугаешь?

Николай примирительно сказал:

— Ладно! Чего ты, в самом деле? Не хочешь ходить в лес — не ходи. Никто тебя силой не тянет.

— Ну и уходите отсюда!

— А мы тут отдохнуть желаем,— сказал Лупало и уселся на ствол поваленной сосны...— Попробуй прогони. Ха-ха-ха!..

— Тебе еще влетит,— сказал Гурька Николаю.— Вот подожди, увидишь, как влетит. Выгонят из школы, и правильно сделают.

— Выгонят, выгонят!.. Посмотрим еще...

— Да на фронте тебя бы расстреляли как дезертира и предателя.

— Но-но! — поднялся Лупало.— Поосторожней! Расстреляли бы!.. А если будешь капать...

Подскочивший к Гурьке Петушок зашептал:

— Брось, Гурька. Не связывайся. Изобьет.

— Пускай попробует,— ответил Гурька и стал заколачивать в плаху клин.

14

Ваня Таранин был спокойный и несколько замкнутый мальчик. Он отличался большой аккуратностью. Рабочая форма на нем была всегда чистой, хотя работал он вместе со всеми, а у других полотняные рубахи и брюки быстро пачкались.

Таранин умел беречь обмундирование и любовно ухаживать за ним.

Все юнги складывали обмундирование на ночь, как учил их командир смены. Но никто не умел этого делать лучше Таранина, как никто не умел лучше его заправить постель.

Командир роты старший лейтенант Стифеев после обхода палаток в числе лучших коек всегда называл койку Ивана Таранина. За образцовую опрятность и аккуратность он объявил Таранину благодарность перед строем.

Но рабочая форма — это все-таки рабочая форма. Если брюки немного широки в поясе, то этот недостаток устраняется при помощи брезентового брючного ремня. Он прочно закрепляет их.

Полотняная рубашка тоже иногда оказывалась великоватой. Но морской ремень с бляхой помогал навести порядок в этой части формы.

Подгонять на каждого юнгу рабочую форму было некому и некогда. Двое портных, входивших в хозяйственную команду школы, меньше держали в руках иглу, чем топор и пилу. Их тоже заставляли делать то, что не терпело никакого отлагательства.

Другое дело — выходная форма: черные суконные брюки, синяя шерстяная форменка с воротничком... Если командование мирилось с недостатками в подгонке и этой формы одежды, то юнги никак не могли согласиться с тем, чтобы на них что-нибудь сидело не так, как положено.

Бушлат длинен и мешковат. Брюки внизу узки. Воротничок и тельняшка бьют в глаза свежестью: их хозяин совсем еще молодой моряк и ничего не испытал в морской жизни.

У моряков есть свои славные традиции, благодаря которым они снискали себе известность людей неустрашимых, привыкших бороться со стихией, стойких в

бою, крепких в товариществе. И как только молодой человек наденет морскую форму, так все эти качества он считает неотъемлемой частью своей натуры. Так уж повелось. И поэтому форма для моряка — далеко не последнее во всей его жизни дело. Каждая деталь его формы — овеянный романтикой символ.

Бескозырка с ленточками! Это же не фуражка или какая-то там шляпа. Муаровая с черными полосками гвардейская ленточка! Это слава, доблесть, геройство! А что написано на ней? Когда-то, очень давно, уходя в море, матросы писали имя своей любимой. Теперь по надписи на ленточке можно определить, к какому именно флоту принадлежит хозяин бескозырки.

А воротничок! Три скромные белые полоски на синем поле. Некоторые думают, что синий цвет воротничка и белые полоски на нем просто обозначают море и что-то вроде волн или пены. Пусть же знают несведущие люди: дело не просто в море. Три белые полоски — это символ трех великих побед русского флота под Чесмой, Синопом и Гангутом!

Тельняшка! Тоже символ! Символ морской души, всего лучшего, что заложено в ней. Моряк идет воевать на сушу, расстается с родным кораблем, с бушлатом и даже бескозыркой. Надевает на себя брюки, шинель, гимнастерку и металлический шлем сухопутного солдата. Но тельняшку он никогда не снимает. И потом, вернувшись домой со службы, многие до конца жизни носят эту простую, связанную из недорогих нитей рубашку. Форменка, бушлат, брюки — все сидит на моряке по-особенному. Моряка издалека видно. На моряка все смотрят. И моряку совсем не все равно, как на нем сидит флотское обмундирование. У моряка душа не на месте, если в форме нет порядка.

Ваня Таранин променял новый воротничок какому-то матросу на поношенный, с поблекшими синими полями. Бушлат на нем сидел неплохо, потому что Ваня был высок и строен. Но вот брюки... Они были узки внизу и больше походили на смешные дудочки, чем на настоящие флотские брюки.

Кое-кто из юнг пытался расширить низы брюк при помощи вставных клиньев. Но такой метод оказался устаревшим и непригодным. Во всех приморских городах комендантские обходы забирают «братишек-

клешников», приводят в комендатуру и заставляют тут же вырезать клинья ножницами.

Соловецкий комендант находился в кремле, и его обходы в Савватьеве не появлялись. Но клинья одинаково вырезались и здесь: клин в брюках — грубое нарушение формы. Стоило юнге с клиньями на брюках встретить офицера, как через несколько минут он имел дело с теми же неумолимыми ножницами.

Ваня Таранин узнал о совершенно новом способе.

Рассматривая свои суконные брюки накануне выходного дня, он сказал товарищам:

— Завтра с утра, конечно, объявят форму номер три. А какая у нас форма? Смех! Брюки не брюки... Макароны какие-то...

— Не по заказу шиты,— сказал Жора Челноков.

Петушок добавил:

— Матросы вон служат по нескольку лет, у них в баталерке свои кореши. Берут брюки на два, а то и три размера больше. Из таких какие хочешь можно сделать. А вставить клинья — все равно заставят вырезать.

— Так можно же обойтись без клиньев,— сказал Ваня и, приставив палец к губам, предупредил: — Только, чур, не выдавать. Сегодня командир нашей смены Цыбенко говорит мне: «Ты, говорит, Таранин, аккуратный парень, ходишь всегда чисто... За аккуратность тебя командир роты хвалит. А вот посмотришь на тебя, когда ты одет по форме три... Нога у тебя крупная, а брюки — смешно смотреть. Не тот ты размер для себя взял». А я, говорю, не выбирал. Такие дали. «Знаю, говорит, у молодых всегда так. А хочется мне, чтобы ты примерным был всегда. И в рабочее время и в выходной». Так как же быть-то, спрашиваю, товарищ старшина первой статьи? «Научу, говорит, только никому ни слова. Комар носу не подточит. Никакой обход не придерется». И знаете, как? — Ваня поднял матрац и достал из-под него фанерную дощечку.— От вас я все равно не скрою. Только смотрите, ребята, никому ни слова. Старшину не подведите...

— Да ладно тебе,— перебил Жора Челноков.— Чего уж там...

— Могила! — поддержал Жору Петушок.

— Ну, то-то. А все очень просто. Надо низы брюк намочить и сырые натянуть на фанеру. На фанере они растянутся, а потом в таком виде и высохнут. Можно любой ширины сделать.

— Здорово! — воскликнул Петушок.— Давайте сейчас же и сделаем.

— Раз без клиньев, значит, можно,— согласился Жора.

15

Утром выходного дня в лагерь пришел начальник школы юнг Абрамов, начавший службу на флоте еще до революции.

Увидев его, дежуривший по лагерю лейтенант Соколов вздохнул всей грудью и, напрягшись до последнего предела, раскатисто скомандовал:

— Сми-и-ирно!

Стоявшие у палаток юнги подтянулись, повернулись в сторону начальника школы.

Лейтенант Соколов пробежал несколько шагов навстречу начальнику школы, потом перешел на строевой шаг и, остановившись в трех шагах от него, приложил руку к фуражке.

— Товарищ капитан первого ранга, дежурный по лагерю лейтенант Соколов.

Он сделал шаг в сторону, повернулся во фронт, давая дорогу начальнику школы, и, когда Абрамов негромким спокойным голосом скомандовал «вольно», так же во весь голос повторил:

— Во-ольно!

Начальник школы поздоровался с Соколовым и пошел вдоль палаток и строящихся землянок. Острое лицо его с прямым нависающим носом и густыми седыми бровями было спокойно.

Он знал, что кое-кто из юнг отлынивает от работы, что с камбуза пропадает посуда и начальник столовой ходит по лесу и берегам озер и собирает разбросанные там бачки, миски и чумички.

Гурька Захаров в этот день был дневальным по роте. Офицеры остановились около палатки, в которой находился ротный наряд.

Гурька слышал, как начальник школы спросил командира роты старшего лейтенанта Стифеева:

— Когда закончите строительство землянок?

— Через три дня закончим.

— Хорошо. Через два дня откроем новую столовую. Самое трудное останется позади. Учебные кабинеты готовы к занятиям. Сегодня надо показать их юнгам. Да... А вот с дисциплиной...

Стифеев попросил:

— Разрешите?

— Говорите.

— При отборе ребят на местах допущены ошибки. Брали всех, кого попало. В школу пришли...— Стифеев замялся, потом продолжил: — Вместе с хорошими ребятами в школу попало немало хулиганов. Я полагаю, что мы должны избавиться от них. Пускай будет меньше, но лучше.

— Все?

— Все.

— Наших юнг,— сказал лейтенант Соколов,— война поставила в исключительные условия. Тяжелые условия, я имею в виду. Многие из них являются настоящими детьми войны. Родители их погибли на фронте или во время налетов вражеской авиации на тыл. Эти ребята по нескольку месяцев бродили по дорогам, беспризорничали, пока их не подобрали...

— Тем более они должны бы...— перебил своего заместителя Стифеев.

Капитан первого ранга качнулся на носках, пожевал губами и, очевидно, не желая слушать, что еще скажет командир роты, приказал:

— Постройте роту.

— Есть построить! Первой роте строиться!

Дежурный по роте подхватил команду старшего лейтенанта:

— Первой роте строиться!

Гурька засвистел в боцманскую дудку, которая у него висела на шее, и, обходя палатки, кричал во весь голос:

— Первая рота, выходи строиться!

Через несколько минут первая рота выстроилась. Старший лейтенант скомандовал:

— Рота, смирно!

Бросив короткий взгляд на застывшие шеренги юнг, как бы проверяя, четко ли они выполнили его команду, он подошел к начальнику школы и доложил:

— Товарищ капитан первого ранга, по вашему приказанию первая рота построена!

Абрамов, держа руку у козырька с золотыми лавровыми листьями, поздоровался с юнгами бодрым, хорошо натренированным на командах голосом:

— Здравствуйте, товарищи юнги!

Ребята удивились силе в голосе старого человека и, желая не остаться перед ним в долгу, громко ответили:

— Здраст, товарищ капитан первого ранга!

Но хорошо получилось только «здраст», а остальные слова рассыпались горохом, вразнобой.

— Отставить! — скомандовал капитан первого ранга и поздоровался еще раз.

Рота на мгновение застыла, а потом не быстро, но дружно ответила:

— Здраст, товарищ капитан первого ранга!

На этот раз начальник школы остался доволен.

Потом рота приветствовала его на ходу, делала повороты налево, направо, кругом, разбегалась и собиралась снова.

Гурька стоял в стороне, у палатки, и удивлялся. Собственно, удивляться, может, было и нечему. Строевой подготовкой юнги занимались редко. И все-таки он никак не думал, что рота ходит так плохо. Со стороны всегда виднее. Когда рота делала поворот кругом на ходу, юнги почему-то вдруг поскальзывались, хотя дорога была сухая. Сбивались с ноги и некоторое время смешно семенили, приноравливаясь к шагу впереди идущих, те тоже сбивались, а все налаживалось только после того, как командир роты начинал давать счет, растягивая слова:

— А-ать, два-а, три-и!.. Ать, два-а, три-и!..

Задние ряды то отставали, то напирали на впереди идущих, сбивались в кучу, и, сколько ни просил командир роты: «Выше голову!»,— юнги все время смотрели под ноги, точно боялись споткнуться и упасть.

— Ходите вы пока плохо,— сказал начальник школы вновь построенной перед ним роте.— Разболтанности у вас много. И это не случайно. Дело не только в том, что вы еще мало занимались строевой под-

готовкой. А недисциплинированности у вас хоть отбавляй. Вот, пожалуйста, посмотрите...

Он приказал выйти из строя нескольким юнгам, которых заметил раньше. Среди них были Ваня Таранин, Жора Челноков и Петушок. На Агишине болтались такие непомерно широкие брюки, что он сам вместился бы в каждую из штанин.

— Что это такое? — спросил начальник школы, обращаясь к стоящим перед строем юнгам. — Вы думаете, это хорошо, красиво? Безобразие, вот что это такое! Клешники на флоте давно уже перевелись, и вам ли, юнгам, возрождать старое, плохое, чему советские моряки объявили войну с первых лет Советской власти?! Вы изуродовали свою форму! Тяжелое, суровое время переживает наша Родина. Идет жестокая война с гитлеровскими захватчиками. Условия у нас здесь такие, что мы не смогли пока хорошо подогнать на вас обмундирование. Но это временно. Подготовимся к началу учебных занятий, займемся и формой. А вот такие юнги не понимают этого. Стараясь щеголять широким клешем, они портят обмундирование. Ваши отцы и братья, не жалея собственной жизни, дерутся с врагами Родины — немецкими захватчиками. Пройдет немного времени, и вы станете рядом с ними. Флот в вашем лице должен получить стойких, мужественных моряков, способных преодолеть любые трудности и победить врага. А некоторые из вас напугались, не выдержали первых испытаний здесь, в школе. Поведение таких юнг недостойно их звания и марает флотскую честь!..

Здорово пристыдил начальник школы клешников и бродяжек, которые целыми днями гуляют по лесу, таскают с камбуза посуду и не работают со всеми.

Ваня Таранин стоял с опущенной головой и красным от стыда лицом. Про себя он решил, что никогда не будет так делать, и в душе ругал Цыбенко.

Петушок тоже опустил рыжую голову. Но серые глаза Петушка с хитринкой посматривали на юнг и начальника школы. На лице его появилась улыбка, простая, невинная: дескать, что мы особенного сделали? Наконец ему просто наскучило стоять тут перед строем, и он принялся шевелить большими пальцами ног в широких носках ботинок.

16

С Петушком случилось несчастье. То ли наелся всякой лесной снеди, то ли по какой другой причине, но стал он страдать животом.

Смешно было юнгам смотреть, как то и дело он пулей вылетает из палатки.

После смотра, который устроил начальник школы, в роте усилились занятия по строевой подготовке.

Вечером Цыбенко посадил смену вокруг стола, разложил на нем таблицу с нарисованными погонами и нарукавными нашивками офицерского и старшинского состава и начал проверять знания юнг.

— Юнга Челноков, це кто будэ? — спросил Цыбенко Жору, показывая на погон с широким золотым галуном без звездочек.

— Это мичман, товарищ старшина.

— Добре. А это?

— Это боцман.

— А это?

— Это ваш погон, товарищ старшина.

— Мой, так называй правильно.

— Погон старшины первой статьи.

— Садись. Юнга Захаров!

— Есть юнга Захаров!

— Подойди сюда, поближе. Чей это погон?

Гурька смотрел на погон с одним черным просветом и двумя маленькими звездочками на золотом галуне.

— Погон лейтенанта.

— Якого лейтенанта?

— Плавсостава.

— Верно. А це?

— Это сухопутный лейтенант, товарищ старшина первой статьи.

— Не сухопутный, а для нас это береговая оборона. Ясно?

Дошла очередь и до Петушка. Ему пришлось разбираться в капитанских погонах.

— Капитан, капитан-лейтенант, инженер-капитан,— перечислял Петушок звания офицеров по мере того, как палец Цыбенко передвигался по таблице от одного погона к другому.— Капитан медицинской служ-

бы, капитан интендантской службы, капитан ади... адп... аднистративной службы.

— Повтори.

— Анди... Капитан аднистративной службы.

— Юнга Коробков, а как надо правильно сказать?

— Капитан административной службы, товарищ старшина первой статьи.

— Юнга Агишин, повтори.

А у Петушка начался очередной приступ. И так его схватило, что попробовал он выговорить слово «административной», но не смог — уж очень невтерпеж.

— Разрешите выйти, товарищ старшина первой статьи?

— Что такое?! — рассердился Цыбенко.— Я его пытаю, а он не кончил отвечать и просится выйти! Из строя то и дело бегает, а теперь с занятий... Смеешься!.. А ну повтори: «административной»!

— Адмистривной...

Петушку совсем стало плохо. Схватился за живот — и вон из палатки, так и не выговорив злополучного слова и не дождавшись разрешения.

17

Строительство землянок закончилось, и юнги перебрались в них из палаток.

В своей палатке Лупало заставлял товарищей ходить для него на озеро за водой, чистить его ботинки, добывать на раскурку газету. А ослушаться Лупало боялись — побьет. И жаловаться на него не хотели: ребята терпеть не могли жалобщиков и доносчиков. Лупало и в землянке вел себя по-прежнему. Петушка сделал своим ординарцем. Что Лупало Петушку скажет, то он и сделает.

— Жорка,— сказал как-то Лупало Жоре Челнокову, который рассматривал только что полученный учебник по двигателям.— Сходи за дровишками.

— Сходи сам. Что́ ты за командир?

Лупало поднялся с кровати:

— Я не командир. А раз говорю сходи — значит, сходи и принеси.

— Не пойду.
— Не пойдешь? Хорошо.
Лупало вышел из землянки.
— Петушок! — позвал он Агишина, занятого чисткой лупаловых ботинок.— Иди сюда.
Они переговорили о чем-то, и Лупало вернулся в землянку.
Двое юнг играли в шашки. Лупало подсел к ним, посмотрел и сказал, обращаясь к Толе Носову, который только что выиграл партию:
— Давай, Толька, играть на щелчки.
— Как это на щелчки?
— А просто. Кто проиграет, тому щелчки.
— Да с тобой только и играть...
— А что со мной? Я проиграю. Вот увидишь, проиграю. Ты здорово играешь. Сколько сухарей у тебя останется, столько и щелчков мне дашь.
Толя действительно играл в шашки хорошо и в шашечных турнирах всегда выходил победителем. Но играть с Лупало он боялся. Если такому верзиле проиграешь, он таких всыплет!..
— Давай без щелчков,— предложил Толя.
— Без щелчков неинтересно. Да ты что, боишься проиграть мне?
— Вовсе не боюсь...
— А вот давай, давай...
Лупало начал расставлять шашки. Толя был честолюбив и решил во что бы то ни стало выиграть у Лупало. Неплохо всыпать несколько щелчков этому нахалу.
Первую партию Лупало проиграл. У Толи на доске остались четыре простые шашки и дамка.
— Ну вот,— сказал Лупало,— я же знал, что ты выиграешь. Сыпь мне свои орехи.
Он подставил голову.
Толя дал Лупало девять щелчков.
— Давай, Толька, лупи меня, раз ты такой сильный,— сказал Лупало и снова взялся за шашки.
Толя хотел отказаться играть другую партию. Честолюбие его было удовлетворено.
Но Лупало сказал, что Носов должен сыграть с ним еще одну партию, иначе с его стороны будет нечестно.

Начали играть. Теперь Лупало играл по-другому. Очень скоро одна его шашка пробралась в дамки. Толина же шашка прочно засела в правом углу на половине доски противника. Толя уже не мог играть как следует. Он смотрел на сильные, с широкими толстыми ногтями пальцы Лупало, когда тот передвигал шашки, и мысленно подсчитывал вероятное количество щелчков, которые влепит ему Лупало.

— Так. Подсчитаем,— сказал Лупало, выиграв партию.— Так... десять. Да за две дамки по пяти — тоже десять. И два сухарика. Всего двадцать два щелчка. Подставляй лоб, Толик.

— Ну, уж и лоб,— сказал Толя и покраснел.— Я тебя щелкал в макушку.

— Хорошо. Я спорить не буду. В голову так в голову. Не за то мать сына ругает, что играет, а за то, что отыгрывается. А я отыгрался. Давай...

Лупало щелкал здорово. Он бил с размаху, так, что у Носова звенела голова. После каждого щелчка Толя все глубже вбирал ее в плечи, пытался закрыться руками, но Лупало кричал:

— Убери руки!.. Четыре... пять... шесть... Терпи, казак, атаманом будешь. Восемь... терпи... девять... десять...

Толя совсем сполз вниз, и голова его была у самого края стола.

Лупало пожалел его:

— Ладно, хватит пока. Дюжина остается за тобой. Это вроде американки будет. Попрошу что — исполнишь. А не исполнишь — получишь остальную дюжину. Давай еще сыграем. Ты тоже можешь отыграться. Тогда квиты будем.

Но Толя играть отказался, решив, что лучше пока побыть у Лупало в долгу. Он тер пальцами голову и с боязнью посматривал на довольного противника.

В это время Петушок затеял возню с Жорой Челноковым. Наверное, полез драться. Но Жора сильнее Петушка, и тот заплакал.

— Ты чего обижаешь его? — вмешался Лупало.— Я вот тебе покажу, как обижать маленьких...

Лупало повалил Челнокова на койку и загнул ему такие крутые салазки, что у того спина чуть не сломалась.

— Но, Жорка! — кричал Лупало, усаживаясь на загнутые Жорины ноги.— Но! Не хотел пойти за дровами, поезжай за ними на собственных санках! Поехали!..

Издевательств Лупало над товарищами Гурька не мог стерпеть. Он схватил железный прут, что лежал у печки и служил вместо кочерги, подскочил к смеющемуся наезднику и, замахнувшись, сказал:

— Слазь!

— А тебе чего надо? — спросил Лупало, строго посмотрев на Гурьку.

— Слезай, говорю, а то врежу!

Лупало отпустил Челнокова и встал перед Гурькой.

— Тебе чего надо? — снова спросил он, чуточку сузив свои рыжие глаза, в которых светился злой огонек.

— Такой дылда, а обижаешь слабее себя.

— А ты что? Сильнее меня?

— Не сильнее, а не боюсь. А будешь драться...

Лупало выхватил у Гурьки прут.

— А вот посмотрим...

Швырнул прут в сторону и схватил Гурьку за грудь. В это время в землянку вошел Митя Коробков и сказал:

— Отставить, Лупало.

— Ладно,— сказал Лупало и отошел к своей койке.— Как аукнется, так и откликнется.

18

Занятий юнги ждали как праздника. Наконец наступил первый день учебы.

Гурька проснулся еще до побудки. В землянке было темно. Сквозь небольшое оконце виднелся кусочек неба с холодно поблескивающими звездами.

Гурька повернулся в постели и услышал, как на койке справа зашевелился Митя Коробков. Слева спал, посапывая, Николай.

— Сколько сейчас времени? — спросил Гурька Митю.

— Скоро, наверное, подъем.

Гурька поднялся и, стараясь не шуметь, начал оде-

ваться. На других койках тоже ворочались. Гурька подошел к выключателю и зажег свет. С подушек поднялось сразу несколько голов.

— До подъема двадцать пять минут,— сказал Ваня Таранин, посмотрев на наручные часы, которые клал на ночь под подушку.

Гурька вышел на улицу и, присмотревшись, увидел сквозь предутреннюю мглу, что около других землянок тоже мелькали фигуры юнг.

Когда прозвучал сигнал подъема, вторая смена была уже на ногах. Юнги заправляли койки, чистили ботинки, умывались.

Старшина Цыбенко тоже проснулся и оделся. Понимая настроение ребят, он не упрекал их за нарушение распорядка и сам спешил побриться до построения роты.

— Выходи на зарядку!

Обычно на утреннюю зарядку шли неохотно. Еще не освободившись ото сна, юнги потягивались, пережидали друг друга, чтобы не стоять на утреннем прохладном воздухе. Сегодня все было иначе. Быстро выбежали из землянки, построились и все упражнения выполнили с особым усердием.

Потом построилась вся рота. В руках у каждого юнги пачка книг и тетрадей. Старший лейтенант Стифеев поздравил юнг с началом учебы, и они кричали громко и радостно:

— Ура! Ура! Ура!..

Позади осталось короткое, но трудное время строительства землянок и заготовки дров. Теперь в лесу работала хозяйственная команда. А юнги будут учиться.

Гурька слышал, как у него бьется сердце. Так оно, кажется, никогда не билось.

До учебных корпусов в Савватьеве шли с песнями.

— Не слышу ноги! — крикнул командир роты, когда подходили к управлению школой, и в его голосе юнги угадали то же волнение, которое переживал каждый из них в эту минуту.

Рота подтянулась. Четко, сразу на всю ступню, ставится нога. В рядах — ни шороха. И кажется, что по дороге идет один большой-большой человек, звонко в утренней тишине печатая шаг:

— Так!.. Так!.. Так!..

— Рота, стой! Нале-во! Смирно! Равнение на середину!

Кругом еще темно и ничего не видно, но Гурька догадался, что роту встретил кто-то из командования школы. Вот слышно, как старший лейтенант Стифеев четким строевым шагом подошел к встретившему роту и громко доложил:

— Товарищ капитан первого ранга, первая рота к учебным занятиям готова!

19

Первым был урок по устройству корабля. Преподаватель капитан-лейтенант Читайлов до войны работал в торговом флоте. Полный, круглолицый, он вошел в класс, и Петушок, дежуривший в этот день по классу, доложил ему о готовности смены к занятиям.

Капитан-лейтенант поздоровался и, не подавая команды «вольно», пошел между рядами столов, окинул взглядом каждого юнгу, потом разрешил сесть.

— Вы будущие моряки,— начал он урок сипловатым голосом.— Будете служить на кораблях. Корабль для моряка то же, что родной дом. Но можно ли жить в доме, да еще родном, и не знать, как он устроен?

Юнги ответили хором:

— Нет!

— Отставить! Разве вы никогда не учились в школе? Если преподаватель спрашивает и вы хотите ответить, надо поднять руку.

Юнги прекрасно знали это. Они просто не могли удержаться. Ведь этот офицер будет учить их, как стать настоящими моряками!

— Устройство корабля вам надо знать как пять своих пальцев. Тогда вы не будете путать форштевень с ахтерштевнем и шпангоут с рангоутом *...

Вторым уроком в этот день было устройство двигателей.

Инженер-капитан Вукулов, который вел этот пред-

* Ахтерштевень — основное крепление кормы; форштевень — носовая часть судна; шпангоут — ребра, составляющие остов судна; рангоут — все деревянные и железные части снаряжения парусного судна.

мет, рассказал юнгам о подвигах североморцев, о блестящих торпедных атаках Героя Советского Союза Шабалина, топившего вражеские корабли в Баренцевом море, о подвигах Колышкина, Лунина, Фисановича. И хотя о самом предмете — двигателях — Вукулов на этом первом занятии не сказал ни слова, юнги знали, что по его предмету им придется заниматься, как ни по какому другому.

В перемену Петушок подошел к висевшему на стене плакату, на котором изображен в красках в разрезе двигатель, и стал объяснять Ване Таранину:

— Вот эта штуковина толкает вот эту пустяковину, а эта пустяковина крутит эту ерундовину. Ясно?

Следующим был русский язык. С ним ребята меньше всего ожидали встретиться в школе юнг. А в расписании занятий на следующие две недели стояли еще физика, химия, математика. Петушка это смущало. Почти со всеми этими предметами он был не в ладах. И зачем ему русский язык на флоте? Он достаточно научен грамоте, чтобы прочитать любую книгу.

Прозвенел звонок на урок.

Юнги уселись за столы, готовые снова подняться по команде дежурного. Они еще не знали, кто у них будет вести русский язык, и появления нового преподавателя ждали с интересом. Петушок хотел бы выкинуть какую-нибудь штуку при первом знакомстве с ним, но ничего не мог придумать. К тому же он сегодня дежурил по классу. Это сковывало его инициативу.

Вошел замполит роты лейтенант Соколов. Петушок подумал, что он, вероятно, обходит все классы в первый день занятий, и поэтому скомандовал: «Встать!», — как этого требовал устав при появлении офицера. Докладывать ему о готовности смены к занятиям он не собирался. Лейтенант стоял и чего-то ждал. Потом он спросил Петушка:

— Ну а дальше?

— Что дальше, товарищ лейтенант?

— После команды «встать» при появлении преподавателя в классе что дальше надо сделать?

— Преподава-ателя? Так ведь вы...

— Я буду вести у вас русский язык.

Петушок растерялся еще больше. В горле у него

запершило, он откашлялся и совсем тихо, срывающимся голоском скомандовал:

— Смирно! Товарищ лейтенант, вторая смена к занятиям готова. Дежурный по классу юнга Агишин!

— Вольно! Садитесь.

20

Петушка увезли в госпиталь. Диагноз — дизентерия. Заболело еще несколько юнг. Зараза быстро распространялась. Ежедневно приходила санитарная машина и увозила в госпиталь больных.

Врачи всюду сыпали хлоркой, советовали юнгам пить только кипяченую воду. Не все юнги слушали эти советы. Иные, заболев, старались скрыть болезнь: боялись попасть в госпиталь. Там продержат больше месяца, отстанешь в учебе, и потом трудно будет наверстать упущенное. И вообще противны все эти медицинские клизмы и уколы. Чего ради из-за какого-то поноса позволять колоть себя по нескольку раз в день?

Врачи ежедневно обходили землянки и спрашивали, есть ли больные.

Однажды вечером, когда смена занималась самоподготовкой, в землянку вошел дневальный по роте и сказал, что старший лейтенант Стифеев приказал явиться к нему командиру смены. Цыбенко в это время в землянке не было. Он уехал зачем-то, оставив за себя Гурьку.

Гурьке пришлось пойти к командиру роты.

У командира сидели два врача в белых халатах. Гурька не мог определить, кто из офицеров старший по званию, чтобы, прежде чем обратиться к командиру роты, спросить у старшего на это разрешение. Раз у врачей погонов не видно, Гурька прямо доложил:

— Товарищ старший лейтенант, заместитель командира второй смены юнга Захаров по вашему приказанию явился.

— Ты здоров, Захаров? — спросил Стифеев.

— Так точно. Здоров.

Стифеев пристально посмотрел Гурьке в лицо.

— А больные в смене есть?

Гурька смутился. В смене болен Толя Носов. Сказать об этом — значит, нарушить закон товарищества.

Но и обманывать командира роты нехорошо. Старший лейтенант ему доверяет. Его слово для Гурьки должно быть законом. А Гурька возьмет и обманет его? Вспомнился отец. Разве отец скажет неправду своему боевому командиру? Отец всегда говорил только правду.

— Есть больной, товарищ старший лейтенант.

— Один? Кто?

— Анатолий Носов.

Тот, что был в очках без ободков, записал фамилию Носова на листочке, потом спросил:

— Больше нет?

— Не знаю.

— А воду из озера пьете?

«Ну уж это, извините,— подумал Гурька.— Что я, должен следить и докладывать, кто ходит на озеро пить воду, а кто пьет кипяченую?» А вслух сказал:

— Не знаю.

— Надо знать,— сказал командир роты.— Раз вы замещаете командира смены, обязаны знать.

Другой врач, молодой, с черными остренькими усиками-стрелочками и розовыми пухлыми губами, сказал:

— Вода в озере заражена дизентерийными микробами. Это установлено лабораторным анализом.

Командир роты добавил:

— Если еще кто-нибудь заболеет, немедленно докладывайте мне. Не ждите, когда вас вызовут и спросят.

— Есть вам докладывать. Разрешите идти?

— Идите.

— Я вместе с вами пойду,— сказал врач в очках.

Когда они вошли в землянку, юнги поднялись.

— Садитесь,— сказал врач.— Кто из вас Носов?

Толя не отозвался. Гурька заметил, что юнги посмотрели не на Носова, стоявшего в это время у печки, а на него, Гурьку.

Лупало протянул:

— Да-а!..

— Кто Носов, я спрашиваю? — начал сердиться врач.

— Ну я...

Врач подошел к Толе, посмотрел ему в лицо, потом велел показать живот.

— Почему не обратились в санчасть? Вы же больны!

— Ничем я не болен,— ответил Толя, отворачиваясь от врача и прижимаясь животом к печке.

— Собирайтесь.

— Куда собираться? Зачем?

— Вас отвезут в госпиталь.

— А чего я там не видел?

Врач повысил голос:

— Юнга Носов, собирайтесь в госпиталь!

Толя медленно пошел от печки. Проходя мимо Гурьки за бушлатом, он окинул его презрительным взглядом.

21

Прозвучал сигнал отбоя. Юнги разбирали постели, раздевались, складывали обмундирование, ложились спать.

Погасили свет.

Гурька лежал, уставившись взглядом в небольшое, едва заметное на противоположной стене оконце, и повторял про себя:

«Брашпилем называется... лебедка для подъема якорной цепи и якоря, установленная на носовой части корабля».

Капитан-лейтенант Читайлов требовал точности при определении той или иной части корабля. Приходилось эти определения заучивать наизусть.

«Клюзом называется,— неслышно шевелил Гурька губами,— круглая или овальная прорезь на борту, палубе или фальшборте корабля, которая служит для пропуска якорной цепи или швартовых тросов, и поэтому клюзы бывают якорные и швартовые».

Когда же придет от отца письмо? Почта на остров ходила нерегулярно. Бывало, что из-за сильного тумана или ветра небольшое судно «Краснофлотец» не могло выйти в море и почта не приходила по нескольку дней. Письма лежали в Рабочеостровске. Может быть, там сейчас и для Гурьки лежит письмо?

Только бы поскорее выздоравливал отец. Лежать в госпитале ему, наверное, надоело. А письма от него Гурька все равно дождется.

22

Следующим во второй смене заболел Гурька. Он сам явился в санчасть, как только почувствовал себя плохо. Его отвезли в госпиталь и положили в одну палату с лейтенантом Соколовым. Небольшой соловецкий госпиталь был переполнен больными, и в других палатах свободных мест уже не было.

В окно палаты виден кремль с башнями и куполами соборов. Вода в бухте казалась изумрудной. У причала стояло небольшое судно «Краснофлотец», высокое, с острыми обводами, окрашенное в черный цвет.

— Бухту знаешь как зовут? — спросил как-то лейтенант Гурьку.

— Нет, не знаю.

— Бухта Благополучия. А вот то озеро монахи назвали Святым. Богомольцы приезжали в монастырь и первым делом купались в озере, смывали грехи. Больные надеялись получить от святой воды исцеление.

— А зимой как же? Озеро зимой замерзает?

— Зимой на острове оставались только монахи, работные люди да узники в тюрьме.

— В тюрьме?

— Да, в тюрьме. При монастыре тюрьма была. Страшная тюрьма, с крохотными казематами — каменными мешками.

— В тюрьму сажали бедных?

— Всех сажали, кто был неугоден царю и церкви. В казематах монастыря умерло много хороших людей. Ты вон ту башню видишь? Головленковой она называется. В ней были казематы. В них сидели сподвижники Степана Разина: сотники Исачко Воронин и Сашко Васильев. Декабристы Шахновский и Бантыш-Каменский тоже сидели в монастырском остроге. Участников первой демонстрации на Казанской площади в Петербурге Матвея Григорьева и Якова Потапова царское правительство тоже сюда заточило. Ты о Пожарском, конечно, слыхал?

— Он тоже сидел в тюрьме?

— Нет. В монастыре хранилась боевая сабля Дмитрия Пожарского.

— А сейчас она где?

— Не знаю *.

— Заржавела уже, наверно.

Лейтенант ответил не сразу. Сначала он как будто не слыхал слов Гурьки о том, что сабля Дмитрия Пожарского лежит где-нибудь и ржавеет, потом точно спохватился и сказал:

— Сабля Дмитрия Пожарского не может заржаветь. Всей силой души ненавидит сейчас наш народ немецких захватчиков. И эта ненависть сродни той, которую испытали русские люди в борьбе с польскими поработителями-интервентами. Такая ненависть не ржавеет. Понимаешь?

Лейтенант умолк. Некоторое время он смотрел на островерхие башни кремля, потом сказал:

— Да, брат, тут не только тюрьма, каменные мешки и казематы. Здесь вся наша история за полтысячелетия отразилась. Ну, скажем, о Крымской кампании 1853—1856 годов ты что-нибудь слыхал?

— Это когда оборона Севастополя была? Адмирал Нахимов и матрос Кошка тогда еще прославились.

— Вот-вот. Народ песни сложил про Крымскую войну.

Лейтенант помолчал, потом запел негромким, глуховатым голосом:

Расскажу я, братцы, вам:
С англичанкой воевал.
Много горя, братцы, видел,
Много бед я испытал.

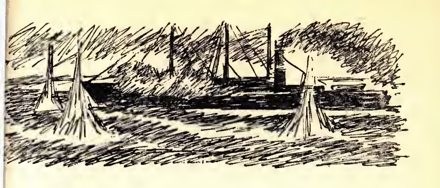
— А теперь англичане за нас,— сказал Гурька, когда лейтенант умолк.

— За нас. А воюем за них мы.— Лейтенант глубоко вздохнул, потом продолжил: — Так вот, летом 1854 года английская эскадра появилась в Белом море и затем подошла сюда, к Соловкам. Англичане потребовали, чтобы крепость сдалась. Но разве русские крепости сдаются? Англичане девять часов стреляли по кремлю. И душой, главной силой при обороне монастыря знаешь кто был? Простые люди, которые работали на монастырь за кусок хлеба, да сосланные сюда

* Сейчас сабля Дмитрия Пожарского хранится в оружейной палате Московского Кремля.

государственные преступники. Это те, что неугодны были царю. Они потребовали, чтобы их выпустили из тюрьмы и дали им «дело». Сосланным-то, казалось бы, помогать англичанам надо было, чтобы они их за это освободили. А нет! Русский человек ни за что Родину не продаст. И не нужна ему свобода на чужбине, если Родине от этого будет грозить опасность. Вон видишь угловую башню слева? Прядильной она называется. Вот и встали узники на этой башне и дали англичанам такой отпор!.. У английского флагманского фрегата

«Бриск» они пробили борт, и пришлось англичанам убираться из Белого моря несолоно хлебавши.

Целыми часами рассказывал лейтенант о прошлом Соловков, о великих муках и подвигах русского народа. После этих рассказов Гурька по-новому смотрел на суровые стены крепости. Он представлял, как сотни русских крестьян, ничем не вооруженных, кроме лопаты и нехитрого блока, строили эти стены, ворочали огромные валуны, ставили их друг на друга и часто гибли под ними. Двенадцать лет строился соловецкий кремль и вырос мощный, неприступный. Датчане, шведы, финны, англичане пытались овладеть крепостью, но всякий раз уходили ни с чем. А она как была, так и осталась русской.

— Народ наш против всего может выстоять,— говорил лейтенант.— Его нельзя победить. Вот встали наши у Волги, сломали хребет немцу и теперь обратно погнали гитлеровцев. До Берлина наши дойдут! Вот увидишь!

Ночами Гурька подолгу ворочался в постели, не мог уснуть. Пылкая мальчишеская фантазия уносила его туда, где советские люди гнали врага с родной земли в фашистское логово.

Между тем дело у Гурьки шло на поправку. Петушка из госпиталя уже выписали. Как-то, вернувшись от начальника госпиталя, лейтенант Соколов сказал:

— Есть интересная новость, Захаров.

— Какая?

— Две смены мотористов из нашей роты переведены из Савватьева в кремль.

— Правда?

— Считай, что так. Командование нашло для них помещения. Дело в том, что матросы закончили учебу и уехали на флот. Вот свободные помещения и отдали нам для двух смен.

— А вы?

— Пока не знаю. Как прикажет начальник школы.

— Проситесь с нами, товарищ лейтенант.

— «Проситесь». Если бы знал, что отпустят обратно на корабль, попросился бы. А в Савватьеве или в кремле — это пусть без меня решают.

И Гурька понял, что лейтенант Соколов тоскует по своему кораблю.

23

В день, когда Гурька выписался из госпиталя, выпал первый снег. Он покрыл землю, крыши домов и башен кремля, вода в Святом озере казалась черной.

Ветер крутил на шпилях башен флажки-флюгера, сделанные из покрашенного железа.

Гурька остановился у ворот в кремль. Он увидел необычайную картину: перед рослым, недавнего призыва матросом, выставившим вперед винтовку со штыком, стоял Петушок. Распахнув шинель и выставив тельняшку, он лез грудью прямо на штык часового и кричал:

— На!.. Коли!.. Коли!.. Ну, чего ты не колешь?!

Часовой растерялся от такого напора юнги. Он отклонил штык в сторону, боясь, очевидно, чтобы в самом деле не уколоть мальчишку, и, стараясь загородить прикладом дорогу Петушку, уговаривал его:

— Ну, чего ты лезешь? Раз нет увольнительной, значит, нельзя. Поди возьми увольнительную и тогда пройдешь. Не приказано же без увольнительных или пропусков пущать из кремля...

— Ах, увольнительную?!. А без увольнительной не пустишь? Ах ты...

Петушок хотел снова ринуться на часового, схватился за грудь, но увидел Захарова, запахнул полу шинели и крикнул:

— Гурька! Здорово! Давай, давай проходи! Пропусти человека. Он только из госпиталя выписался.

Часовой на этот раз не стал сопротивляться и пропустил Гурьку в кремль.

Внутри кремля, вдоль крепостных стен, стоят двухэтажные серые здания с небольшими окнами, выходящими внутрь двора. Когда-то в них помещались монашеские кельи, трапезные, кладовые, производственные мастерские и цехи, в которых изготовлялись самые разнообразные изделия: иконы, канаты, деревянная посуда, предметы церковной утвари, полотна. Центр кремля занимают здания огромных соборов, строгих и величественных. Кресты и разные украшения с них сняты, и высокие, почти гладкие стены соборов от этого кажутся еще более суровыми.

— Ты чего с часовым сцепился? — спросил Гурька Петушка.

— Хотел на озеро посмотреть. Оно же рядом, у самых ворот. А он не пускает: подавай, видишь ли, ему пропуск или увольнительную. Какая же тут увольнительная, если до озера три шага?

— Значит, из кремля без увольнительной не выпускают?

— Сам видел. Тоже порядок! В Савватьеве, там куда хочешь иди. Никто не задержит. А здесь...

— Матрос имел право ударить тебя прикладом или пырнуть штыком, чтобы не лез.

— Мало ли что. Мог, да побоялся.

— Просто связываться не захотел.

— Попробовал бы... Самому же потом и влетело бы за меня. А он струсил. Знаю я таких салаг. Он еще...— Петушок подставил кисти рук к голове, изображая уши, и задвигал ими.

Они прошли через двор кремля и обогнули двухэтажное здание. Слева в углу стоял глухой забор с калиткой.

— Гауптвахта,— сказал Петушок.

— Тебе, я вижу, хочется туда.

— Не зарекайся и ты. Кто на гауптвахте не бывал, тот и службы не видал.

— Откуда ты это узнал?

Петушок не ответил. Маленький, рыжий, он шагал независимо, глубоко засунув руки в косые карманы непомерно широкой шинели.

— С Лизуновым вместе живешь? — спросил Гурька.

— Вся смена живет в одном кубрике.

— В кубрике?

— По-морскому это. А так — в комнате. У нас все по-морскому. Скомандуют: «Построиться на средней палубе!» Это значит в кубрике же, в проходе между койками. Я вышел из госпиталя, услыхал такую команду и растерялся. Где же, думаю, тут средняя палуба, а где верхняя или нижняя? Оказывается, только одна средняя есть, а ни нижней, ни верхней нету.

— Не слыхал, кто теперь в нашей землянке живет?

— Никто в ней не живет. В землянке теперь библиотека.

Они поднялись на второй этаж и, открыв дверь, вошли в большую комнату, в которой двумя рядами стояли койки с широким проходом между ними — «средней палубой».

У дверей, возле тумбочки, сидел дневальный Ваня Таранин и читал книгу.

Первым к Гурьке подошел Николай:

— Здорово, болящий! Выписался?

— Здравствуй! Где моя койка?

— Койка тебя ждет. Вещи в сохранности. Командир смены их в баталерку запер.

Гурька разделся и повесил бушлат на оставленное для него место с надписью: «Захаров».

В кубрике было светло и чисто. От большой монашеской печки, возле которой прибита вешалка, несло теплом.

24

Старшина первой статьи Цыбенко теперь вел с юнгами морскую практику: учил обращаться со свайкой и мушкелем, накладывать на тросы бензеля и

марки *. Гурька все больше убеждался, как много надо знать и запомнить, чтобы потом хорошо нести службу на флоте.

Новое отрицало старое, привычное для гражданской жизни.

Ведь вот простая вещь — веревка. Всем понятное слово. А в морском деле, оказывается, никаких веревок и оборок нет, а есть тросы и лини. Тросы по материалу, из которого они сделаны, разделяются на пеньковые, манильские, сизальские, проволочные, комбинированные и тряпичные. А лини в зависимости от своего назначения разделяются на стеклини, лаглини, лотлини, слаблини, сорлини, юзени и т. д.

Конечно, запомнить все это было нелегко. Но интерес к предмету и хорошая память помогали ему быстро усваивать все, что товарищи успели пройти, пока он лежал в госпитале.

Особенно Гурьке нравилось вязать морские узлы. Сколько раз он мучился дома, когда, помогая матери или отцу, старался что-нибудь привязать. Ни отец, ни он, ни тем более мать не знали всех тех остроумных, интересных способов вязания узлов, какие применяются на флоте. Они знали только простую петлю-удавку да прямой узел, который боцман называл «бабьим» узлом. Затянешь такой узел, а потом мучаешься с ним, чтобы развязать. Другой раз и не развяжешь, а, отчаявшись, просто возьмешь и разрежешь ножом.

Другое дело — морские узлы. Каждый из них вяжется по-особому и в определенных случаях. И выглядит всякий из них по-разному. Не узел, а несколько петель, вытянутых вдоль,— штыковой узел. Другой напоминает огромный цветок с лепестками из тросовых петель. Это топовый узел. Рифовый узел небольшой, а такой крепкий, что никакой шторм его не разорвет. Но стоит дернуть за специально оставленный для этого конец — и узла нет, словно пузыря на воде.

---

* Свайка — инструмент для такелажных работ. Мушкель — деревянный молоток для такелажных работ. Бензель — способ перевязки двух тросов тонким тросом. Марка — способ заделывания концов троса и закрепления нераспущенной части троса.

Больше всего Гурьке нравилось вязать беседочный узел. Применяется он в тех случаях, когда работающему на мачте или у борта корабля надо закрепить себя, чтобы не упасть.

Цыбенко требовал от юнг уметь вязать беседочный узел одной рукой, на весу. Для этого он прикрепил к потолку у стены трос. Стена заменяла борт корабля. Юнга хватался за трос, подтягивался по нему, упираясь ногами в стену, и, повиснув на одной руке, другой должен моментально привязать себя беседочным узлом.

Это получалось не у всех. Гурьке удавалось, а вот Лупало — никак. Рука с концом у него запутывалась в тросе, а когда Лупало пробовал усесться в петле, то неизменно падал. Юнги смеялись, а большой кривоногий Лупало, ворочая рыжими глазами, плаксиво говорил старшине:

— Убьюсь вот, отвечать будете...

Петушок особенно доволен был тем, что из-за болезни лейтенанта Соколова прекратились занятия по русскому языку. В душе он надеялся, что, может быть, этого предмета вовсе не будет. Когда лейтенант Соколов выйдет из госпиталя, его оставят в Савватьеве учить грамматике юнг других смен, а здесь, в кремле, нового преподавателя по русскому языку может и не оказаться. Кто из офицеров возьмется вести этот совсем не морской предмет?

И как огорчен был Петушок, когда в классе снова появился лейтенант Соколов!

Урок начался, а он сидел, положив голову на стол, и ничего не делал.

— Юнга Агишин, вы почему не работаете? — спросил лейтенант Петушка.

Петушок поднялся и недовольным, с ленцой, голосом ответил:

— «Работаете...» Я тетрадь в кубрике оставил.

— Сейчас же сходите за тетрадью.

Петушок вышел из-за стола и медленными заплетающимися шагами побрел из класса. За тетрадью он ходил очень долго. Когда вернулся в класс, урок уже подходил к концу.

Юнги упражнялись в правописании частиц НЕ и НИ с существительными.

Петушок вырвал из тетради листок, посмотрел некоторое время на потолок, беззвучно шевеля губами, потом написал:

За окном мелькают птицы,
Все короче дни.
А ты учи несчастные частицы
НЕ и НИ.

Листок со стихами он пустил по классу и стал рисовать в тетради спасательный круг. Вся тетрадь у него изрисована корабликами, якорями, флагами.

Он не заметил, как лейтенант Соколов поднялся из-за стола и пошел по классу. Жора Челноков, сидевший рядом с Петушком, хотел предупредить его об опасности и прошептал:

— Полундра!..

Но было уже поздно. Лейтенант стоял рядом, смотрел на рисунки Петушка, и на скулах у него выступили красные пятна.

— Что это у вас? — спокойно спросил лейтенант, хотя видно было, что он едва сдерживается.

— Рисунки,— ответил Петушок, поднимаясь с места.

— Разве сейчас урок рисования? Эта тетрадь по какому предмету?

Лейтенант взял тетрадь, посмотрел на обложку и прочитал вслух:

— Тетрадь по русскому языку юнги второй смены, первой роты Петра Агишина.

Он полистал тетрадь. Кое-где в ней встречались безалаберные записи правил из грамматики, отдельные предложения, но больше всего было рисунков, каких-то линий и вообще всякой грязи, недопустимой в ученической тетради.

— Отправляйтесь с этой тетрадью обратно в кубрик. К следующему уроку вы перепишете все сначала. На вас будет наложено взыскание.

Лицо лейтенанта было бледно, но он все-таки сдерживался и говорил негромким глуховатым голосом.

— Ну и пойду! — вспылил Петушок.— Сажайте на гауптвахту! А учить ваш русский язык все равно не буду. Я в гражданке бегал от этого русского языка, а тут опять он! Не буду учить!..

Петушок вышел из-за стола и быстро пошел к двери.

— Тоже — лейтенант! — озлобленно бросил он на ходу.

В это время прозвенел звонок. Гурька выскочил вслед за Петушком из класса. Его оскорбило поведение Агишина. Он любил лейтенанта и считал, что поступок Петушка задевает и его, Гурьку.

— Агишин! — позвал Гурька Петушка, догоняя его на улице.— Постой-ка!

Петушок остановился. В руках у него была свернутая в трубку тетрадь. Гурьку он встретил нахмуренным, отчужденным взглядом.

— Чего тебе?

— Ты сказал лейтенанту, что не будешь учить его русский язык. Значит, ты сказал, что русский язык не твой язык, а лейтенанта. А лейтенант кто? Русский? Выходит, ты против русских. Русские с фашистами воюют. Немцы казнят их за то, что они говорят по-русски. А ты... А ты, значит, тоже фашист!

Гурька размахнулся и ударил Петушка в скулу. Тот упал на снег и запричитал:

— Ой-ой-ой!.. Подожди!.. Тебе тоже попадет... Подхалим!

Гурька повернулся и хотел уже возвратиться в класс, но остановился и, глядя на Петушка большими глазами, спросил:

— Что?.. Что ты сказал?

Но Петушок струсил. Гурька мог расправиться с ним еще не так. Жалкий, опрокинутый на спину Петушок лежал на снегу, боясь подняться на ноги, и молчал.

— Возьми сейчас же свое слово обратно,— сказал Гурька.—Ну!..

Петушок отполз немного и сказал:

— Беру. Ладно. Привязался тоже...

— Ну, то-то,— сказал Гурька и отвернулся.

25

На другой день Петушок вдруг исчез. Его искали всюду и нигде не находили.

Остров уже обмерз кромкой льда, и суда из бух-

ты Благополучия не выходили. Значит, с Соловков юнга уехать не мог. Допросили часовых караула, стоявших у ворот, но они уверяли, что никого без увольнительных из кремля не выпускали. Позвонили в Савватьево. Там Петушка не видели. Искать его надо было только в кремле.

Территория кремля небольшая. Однако за пять столетий в нем нагородили столько ходов, глухих помещений, что при желании в них можно спрятать целый батальон, да так, что не скоро отыщешь.

Лейтенант Соколов, хорошо знавший кремль, возглавил поиски Петушка. Вместе с ним пошли Гурька и Ваня Таранин.

Юнги — народ любознательный. Многие из них и раньше забирались в глухие старомонастырские места, но ни разу еще не случалось, чтобы кто-нибудь из них заблудился.

Сначала обошли все стены крепости. В верхней части их сделан коридор, покрытый тесовой крышей. Он соединяет все восемь башен, в которых в три-четыре яруса устроены круглые бойницы. Когда-то в эти узкие отверстия выставлялись дула пушек и пищалей. Сейчас в башнях было пусто, веяло холодом и подвальной сыростью.

Гурька с робостью и любопытством осматривал пыльные стены башен, сложенные из огромных камней. В бетон, которым залиты промежутки между камнями, вставлены большие железные кольца. Лейтенант сказал, что в них продевалась цепь, которой узники приковывались к стене на долгие годы.

Иногда приходилось пробираться через такие узкие проходы, что, казалось, еще немного — и скользкие от сырости стены зажмут их и не выпустят обратно.

Соколов светил фонариком. Куцый луч постоянно упирался в каменные глыбы, скользил по многовековой плесени и толстому слою пыли в углах. Из них выскакивали огромные крысы.

Никто не говорил ни слова. Только лейтенант время от времени бросал короткое «осторожно» на поворотах или когда под ногами оказывался спуск из каменных ступеней. Голос лейтенанта звучал глухо, словно Соколов был не рядом, а где-то далеко впереди.

Гурька шел вторым после лейтенанта. Сначала прикосновение к холодным камням заставляло содрогаться. По спине пробегали мурашки, особенно если в ноги неожиданно тыкалась напуганная светом крыса. Потом робость прошла, хотя все еще казалось, что руки могут схватиться за что-нибудь ужасное.

Коридор, которым шли лейтенант и юнги, кончился. Впереди были тяжелые двери. Открыв их, они вошли в небольшое помещение. Луч фонарика осветил прокопченные и прозеленевшие стены. Малюсенькое оконце с двумя решетками едва пропускало узенькую полоску сумеречного света.

Гурька оперся о стену и тотчас же отдернул руку, вскрикнув:

— Ой!

Стоявший впереди лейтенант повернулся, осветил фонариком испуганное лицо Гурьки, потом стену. В ней торчал острый железный крюк, покрытый влажной ржавчиной.

— Укололся? — спросил лейтенант Гурьку.

— Ничего... Я просто напугался, думал, что схватился за что-то такое...

— Здесь можно встретить вещи,— сказал лейтенант,— которые каждого приведут в ужас... В этом помещении находилась стража.

Лейтенант поводил лучом фонарика по стенам. В них имелось несколько узких крепких дверей. В промежутках между дверями из кирпича сделаны скамейки для стражи.

— Здесь узников наказывали плетьми и пытали во время допросов. Страже запрещалось разговаривать с заключенными, давать им бумагу или карандаш и даже бересту с углем, чтобы несчастные не могли сообщить что-нибудь на волю.

Лейтенант подошел к одной из дверей и открыл ее. Юнги увидели небольшую комнату, похожую на ящик, шага четыре в длину и шага три в ширину. В каземате сделан каменный выступ. Осветив его фонариком, лейтенант сказал:

— Тут узник спал.

Луч фонарика скользнул по каменному полу, потом по стене. В нее вделано железное кольцо, как и те, что юнги уже видели в башнях. На небольшом камен-

ном выступе стояла какая-то дощечка. Лейтенант поднес к ней фонарик. Сквозь густой слой пыли юнги увидели на дощечке изображение.

— Иконка,— сказал лейтенант.— Единственная вещь, которую разрешалось иметь узнику при себе в каземате.

Когда луч фонарика скользнул по стене, Гурька воскликнул:

— Постойте!

Он взял иконку и стал очищать ею со стены пыль и плесень, а лейтенант освещал то место. На стене виднелись какие-то царапины. Постепенно надпись прояснилась, и юнги прочитали: «14 декабря 1825 года».

— Декабристы! — сказал Гурька.— Здесь сидели декабристы.

— Да, Бантыш-Каменский и Шахновский,— заметил лейтенант.— Но не только Шахновский и Бантыш-Каменский были сосланы сюда после бунта декабристов. В Соловки царь Николай Первый, или, как его прозвали, Николай Палкин, за принадлежность к тайному обществу декабристов сослал двух студентов Московского университета Михаила Критского и Николая Попова. Оба здесь и умерли.

Лейтенант и юнги долго смотрели на стену, словно каждый хотел увидеть руку того, кто, может быть, в последний час перед своей смертью начертал знаменательную дату.

Ваня спросил:

— Куда же делся Агишин?

— Знали бы — не искали,— сказал Гурька.— Может, покричать?

— Кричать бесполезно,— сказал лейтенант.— А впрочем, попробуйте.

Гурька и Ваня вместе крикнули:

— Петя!

Но голоса их показались такими слабенькими, что даже за порогом каземата, наверное, не были слышны.

— А ну, еще раз,— попросил лейтенант.

— Аги-ши-ин!

Ребята кричали изо всех сил, но звук точно растворялся в каменных стенах, уходил в них, не рождая отклика, и сразу обрывался. Гурьке даже показалось, что он еще стоял с открытым ртом и кричал, а звук от

его голоса исчез, точно слово вылетело, прежде чем он успел произнести его, и сразу погасло.

Лейтенант грустно усмехнулся:

— Когда здесь пытали людей, они кричали, как вы, и голоса их никто не слышал. Там, наверху, молились, говорили с богом о милосердии, добре, а здесь под пытками человек раздирал себе в крике рот, и никто не мог услышать его.

26

Они вышли на улицу, и свет пасмурного северного дня им показался таким ослепительным, что заболели глаза. После затхлого, пахнущего плесенью острога легкие обжигал здоровый морозный воздух. Каждый вдох высоко поднимал грудь, и гулко колотилось сердце.

Лейтенант сказал:

— Поищем в другом углу.

Они пошли через двор кремля и остановились у Арестантской башни.

— Здесь была тюрьма пострашней той, что вы видели сейчас. Тут монахи вырыли в земле ямы. Сверху они прикрывались деревянной крышей с небольшим отверстием. Через него посаженному в яму заключенному подавалась пища. Это была земляная тюрьма. Бывало, что на обессилевшего человека в яме нападали крысы, объедали ему уши и нос. Но страже запрещалось давать узнику хотя бы палку для защиты от крыс. Один из стражников нарушил этот запрет, и его самого сначала выпороли, а потом тоже посадили в земляную тюрьму.

Гурька посмотрел себе под ноги, потом окинул выложенный булыжником угол двора, словно хотел увидеть то, о чем рассказывал лейтенант.

Соколов понял его и сказал:

— Земляной тюрьмы уже давно нет. Но здесь сохранились другие ужасные углы. Самых опасных преступников царское правительство заточало в специальные «молчальные комнаты», эти крохотные каменные мешки, в которых узники могли спать только согнувшись. А если узник начинал кричать, ему вставляли в рот кляп — грязную тряпку. Ее вынимали изо рта

только для того, чтобы несчастный мог поесть. Никакого сношения с волей ему не полагалось. О человеке забывали на долгие годы. Его никто не видел, и он тоже никого не видел, кроме стражи, всегда молчаливой. Когда заключенные жаловались царю на тяжелые условия заточения,— продолжал лейтенант,— он на это отвечал, что узники должны быть ему еще благодарны, потому что он сохранил им жизнь. А вы видите, какая это была жизнь. Случалось, что кто-нибудь из посаженных в такой каменный мешок, не выдержав мучений, произносил страшные слова: «Слово и дело». Эти слова значили, что человек, сказавший их, знает какую-то важную государственную тайну. Ими пользовались доносчики, которые хотели выдать кого-либо царю. Такого человека немедленно доставляли в Москву и спрашивали, почему он сказал «Слово и дело»? Иногда соловецкие узники пользовались этим. Их тоже везли в Москву. Там они что-нибудь лгали. Их били плетьми, пытали раскаленным железом, вывертывали руки. И если человек оставался еще жив после всех перенесенных пыток, его отправляли обратно сюда. Люди знали, на что они идут. Но они терпели все страшные муки, чтобы хоть на время вырваться из каменного мешка, взглянуть на солнце, вдохнуть свежий воздух. Путешествие от Соловков до Москвы и обратно в те времена занимало несколько месяцев. И если человек просидел в таком узилище пятнадцать-двадцать лет, эти месяцы казались ему праздником.

— Двадцать лет! — воскликнул Гурька.

— Сидели и больше. Вятский крестьянин Семен Шубин просидел в соловецком остроге более пятидесяти лет... Однако надо искать Агишина.

Слушая рассказ лейтенанта, Гурька чувствовал, как по спине у него пробегал холодок. То, что он пережил, пока искали Петушка в Головленковой башне, мрачно давило на его ум и сердце.

— Пойдемте,— сказал лейтенант.

Они снова спустились в лабиринт старого острога, обошли несколько казематов, таких же прокопченных и прозеленевших, как и под Головленковой башней. Сырость и холод от каменных глыб-валунов, влежавшихся в суровую землю острова, сказывались ознобом во всем теле.

Гурька крепко сжимал зубы, чтобы сдержать дрожь. Хотелось вернуться и никогда больше не заглядывать в это древнее узилище.

Его одолевало сомнение: зачем Петушок мог забраться сюда? Там ли они его ищут?

Луч фонарика скользнул по стене, потом утонул в узком проходе, ведущем влево. Проход был настолько узок, что лейтенант задевал за его стены плечами.

Гурька снова испытывал неприятное чувство от прикосновения к тупым влажным выступам камней. Иногда пальцы раздавливали мокрицу или скользили по липким наростам.

Боясь споткнуться и удариться обо что-нибудь, теперь он шел последним и держался за спину идущего впереди Вани. Здесь не хватало не только света, но и воздуха. Резкий запах плесени ударял в нос, пахло еще чем-то горьким и противным. В остроге нет печей. Стены его никогда не прогревались в самые солнечные летние дни.

Наконец лейтенант остановился. Через его и Ванины плечи Гурька увидел, что впереди была какая-то совсем узкая дверь.

Лейтенант протянул:

— Да... Вот и одна из «молчальных комнат». Тут, однако... камень.

Он нагнулся и посветил фонариком вниз.

— Кто же завалил дверь камнем? Он выпал вот отсюда из стены, и, как видно, недавно.

— Пойдемте отсюда,— сказал Ваня, у которого так же, как и у Гурьки, от недостатка воздуха спирало дыхание. Ему тоже казалось, что они напрасно ищут Петушка в этих трущобах. Его сюда калачом не заманишь.

Лейтенант несколько раз ударил ногой в дверь. Удары прозвучали странно, точно за дверью не было пространства, а продолжалась каменная стена.

Фонарик осветил в верхней части двери маленькое отверстие, забранное решеткой. Лейтенант направил луч через это отверстие внутрь каземата, заглянул туда и вдруг резко отшатнулся от двери так, что чуть не свалил стоявшего рядом за спиной Таранина.

— Там кто-то есть,— сказал лейтенант.

Он нагнулся и стал отодвигать камень от двери. В узком коридоре для него надо было освободить место. Юнгам пришлось попятиться назад.

Наконец камень убран. Лейтенант открыл дверь, и в свете луча от фонарика Гурька и Ваня увидели лежащего на полу Петушка. Около него валялось несколько банок с консервированной американской колбасой. Одна банка была открыта.

27

Накануне вечером вторая смена заступила в наряд дежурить по камбузу. Юнги помогали кокам получать со склада продукты. Гурька нес ящик со сливочным маслом, которое выдавалось во время утреннего чая. Ваня Таранин взвалил на плечи мешок с сухими фруктами для компота. Мясо заменяла американская консервированная колбаса. Ее таскали Лупало и Петушок. Гурьке и Ване пришлось сходить на склад еще несколько раз за сахаром, рыбой и чаем. Придя в разделочную, они застали там только Лупало.

— А где Петушок? — спросил Гурька.

— Вышел куда-то,— ответил Лупало, отправляя в рот кусок колбасы.

Банок с консервированной колбасой было несколько сот. Каждую надо открыть, извлечь из нее кирпичик колбасы и разрезать его на кусочки для закладки в котел.

Гурька и Таранин принялись за дело. Взяв из мешка банку, они отрывали припаянный сбоку ее ключик с ушком и надевали его на кончик жести, специально для этого оставленный. Ключик надо вертеть, и белая мягкая жесть рвалась при этом узкой ровной полоской. Банка открывалась.

Гурька предложил работать конвейером — каждому выполнять определенную операцию. Ваня Таранин был занят только тем, что открывал банки, Лупало извлекал из них колбасу, а Гурька резал ее на кусочки. Гурька не успевал. Открыть банку или опростать ее можно куда быстрее, чем разрезать мясной кирпичик на дольки. Явно не хватало еще одного человека — помогать Гурьке. А Петушок что-то долго не возвращался.

— Куда же он провалился? — сердился Гурька.

Лупало ответил:

— Придет.

Ваня сказал:

— А может, его заставили делать что-нибудь другое?

— Придет,— повторил Лупало.— А если, например, чистить картошку, то он не пойдет. То ли дело колбаса...

Он отправлял в рот один кусок за другим.

Гурька сказал:

— Больше живота все равно не съешь.

— Ясно, не съем. А все-таки... Картошки вон тоже много. Пойди поешь... Крахмал один и только. А это колбаса. Американская.

В разделочную вошел кок. Увидев первым Гурьку, он позвал его:,

— Пойдем, юнга, со мной.

Он привел Гурьку в комнату, где стояли две большие ванны. В ваннах вымачивалась соленая треска.

— Берись за морскую свининку, юнга,— пошутил кок и протянул Гурьке большой тяжелый нож, похо-

жий на топор.— Будешь разделывать треску и складывать ее вот в тот лагун.

Показал, как надо разделывать треску для второго, и ушел, оставив Гурьку одного и пообещав послать ему на помощь еще кого-нибудь из юнг.

Петушка хватились на другой день, когда узнали, что он ушел с камбуза накануне и не возвращался на дежурство до сих пор. Цыбенко искал его во всех уголках столовой, сходил в кубрик к дневальным. С тех пор как смена заступила в наряд, никто из юнг там не появлялся...

...И вот Петушок лежал без сознания на полу «молчальной комнаты» старого монастырского острога.

Лейтенант и Ваня подняли его и понесли к выходу. Соколов мог бы один вынести юнгу на руках, но слишком неудобно было бы идти с ним по узкому проходу.

Гурька шел впереди и освещал фонариком путь.

Лейтенант повторял:

— Ай да Агишин!.. Ай да Агишин!..

На свежем воздухе Петушок пришел в себя. Его поставили на ноги. Он тер глаза, потому что дневной свет ослепил его, потом встряхнулся и помахал руками.

— Ты как туда попал? — спросил его лейтенант.

Петушок вдруг обнял лейтенанта и заплакал. Не вытирая слез, он стал рассказывать, как Лупало послал его припрятать банки с консервированной колбасой, как кто-то захлопнул за ним дверь каземата, когда он вошел в него, и потом он не мог ее открыть.

— Дверь никто не закрывал за тобой,— сказал ему лейтенант.— Ее завалил камень, который выпал из стены. Он ударил по двери, а потом загородил ее. Да как же ты пробрался туда? Ведь там темно.

Петушок достал из кармана спичечную коробку. Она была пуста.

Он снова залился плачем и, прижимаясь к Соколову, пролепетал, едва выговаривая слова:

— Вы спасли меня, товарищ лейтенант... Я никогда больше не буду... Никогда, никогда... Я буду учиться хорошо. Вот увидите. Я буду хорошо заниматься по русскому.

Соколов улыбнулся и погладил Петушка по голове.

28

В воскресенье юнги готовились к увольнению. Лупало поленился надраить бляху и бросил ремень Николаю на койку:

— Подрай мою.

Николай взял оба ремня, коробочку с зубным порошком, пузырек с бензином, щетку и отправился в коридор.

То, что Николай пошел чистить кроме своей еще и бляху Лупало, видели Гурька и Митя Коробков. Стыдить и уговаривать Лупало бесполезно. Кроме грубости, от него ничего не дождешься. Трое суток гауптвахты за историю с колбасой ничего в нем не изменили. Лупало по-прежнему вел себя нахально. Но надо же кончать с его паразитическими замашками. Жалобы старшим среди юнг были исключены. К тому же в это время в кубрике были одни юнги. Командир смены ушел в канцелярию за увольнительными записками и билетами на концерт.

Гурька и Митя вышли за Лизуновым в коридор.

Николай устроился у окна. Он мочил тряпочку в бензине, макал ее в насыпанный на газету зубной порошок и мазал этой смесью свою бляху.

Ремень Лупало лежал рядом на подоконнике.

— Будешь чистить? — спросил Гурька Николая, показывая глазами на ремень Лупало.

Николай посмотрел поочередно на Гурьку и Митю и, обнажая в улыбке редкие острые зубы, сказал:

— А долго ли? Для кореша можно и подраить.

Митя спросил:

— В холуи записался?

— При чем тут холуи? Человек попросил, ну и...

Гурька вспылил:

— Он тебя не просил, а приказал. Чин-то у него такой же, что и у тебя? Ординарцев ему иметь еще рано.

Лизунов слез с окна.

— Да ведь он потом...

— Пускай попробует,— сказал Гурька.— А ты не бойся. В обиду тебя не дадим. Пойди и брось ему ремень обратно. Сам подраит.

— Да ты иди, иди,— подтолкнул Митя Николая, сунув ему ремень в руку.

Гурька сказал:

— Про нас ничего не говори ему. Не думай, что мы боимся. Просто скажи ему, что не хочешь, и все. А мы тут будем.

— Ну, смотрите... Если что, я крикну...

— Выручим.

— Но кормой не виляй!

Николай вернулся в кубрик и через пять минут вышел из него вместе с Лупало.

Митя и Гурька ждали неминуемого скандала.

Но Лупало улыбался. Он почувствовал за необыкновенной смелостью Лизунова что-то неладное, а увидав Гурьку и Митю в коридоре, все понял. Подойдя к окну, он спросил, все так же улыбаясь:

— Кто последний за щеточкой?

— Ты,— сказал Гурька.

У него и Мити бляхи были уже начищены.

— И запомни, Лупало,— сказал Гурька,— если будешь ординарцев искать среди юнг, у нас с тобой будет разговор. Мы судить тебя будем всей сменой. И никакие запугивания тебе не помогут. Нас ты не запугаешь. Соберемся и вынесем решение просить, чтобы тебя отчислили из школы. Покрывать и защищать тебя никто не станет.

Вскоре вернулся из канцелярии Цыбенко, и была дана команда построиться на увольнение.

Старшина внимательно осматривал каждого юнгу: поглажены ли брюки, хорошо ли сидит бескозырка, начищены ли ботинки, блестят ли пуговицы и бляхи.

— Лупало, выйдите из строя.

— Почему? — удивился Лупало самым невинным образом, медля с выполнением приказания.

Цыбенко повысил голос:

— Юнга Лупало, выполняйте приказание!

Лупало сделал два шага вперед, повернулся кругом и встал лицом к строю.

— Юнга Лупало, слушайте мою команду,— продолжал старшина.— Кру-у-гом! Два шага вперед, марш!

Теперь все увидели, что ленточки на бескозырке у Лупало свисали ниже поясницы. Это было грубым нарушением установленной формы.

Цыбенко подошел к Лупало и снял с него беско-

зырку. Он хорошо разбирался не только в морских узлах, но и в том, как флотские форсуны вплетают дополнительные ленточки, чтобы удлинить ту, которая положена по уставу.

Ловкие пальцы старшины быстро отвязали ленточку, и бескозырка вернулась на голову хозяина.

— Можете быть свободны,— сказал старшина Лупало.— Разговаривать с вами будем потом. Сегодня вы лишаетесь увольнения. Юнга Захаров, раздайте увольнительные. А тем, кто желает, билеты на концерт.

— Есть раздать билеты и увольнительные!

Смена вышла на улицу и снова построилась в три шеренги.

— Запевай песню! — подал команду Цыбенко.

Ваня Таранин, который был запевалой в смене, прокашлялся и, приноровившись, бросил первые слова новой песни под левую ногу:

Мы, юнги флота, крепки, как бронь...

Песню сочинил кто-то из офицеров, и пелась она на мотив всем хорошо известной песни об артиллеристах. Мотив не новый, но в ней говорилось об юнгах, будущих воинах морского флота.

Гурьку радовали слова песни и ясный солнечный день, какие на Соловках случаются не часто, и то, что Лупало получил отпор.

29

Гурька и Митя вышли из кремля и пошли вдоль крепостной стены.

Они остановились у ворот, на которых было что-то написано славянскими буквами. Долго разбирали эту надпись, сообщавшую, что крепость строилась по проекту монаха Трофима с 1584 по 1596 год.

Потом постояли у часовни, поставленной в честь посещения Соловков Петром Первым.

Гурьку поражало обилие всяких исторических мест и памятников на Соловках.

Совсем недавно он увидел каменные плиты, лежавшие у стены одного из соборов. На них надписи. В них говорилось, что здесь похоронен последний кошевой

атаман Запорожской Сечи Кальнишевский, проживший на свете сто двенадцать лет, из них шестнадцать он просидел в монастырском остроге.

В рассказах Соколова полустертые надписи на плитах оживали перед Гурькой увлекательными картинами далекого прошлого. Знаний, которые он получил в шести классах школы, было мало, чтобы разобраться в сложных вопросах русской истории, но из того, что он знал прежде и что узнал теперь, Гурька понял, какой большой путь прошел русский народ, сколько славных дел совершил он на своей земле, как много знаменитых людей вышло из его среды.

Некоторое время Гурька и Митя рассматривали мемориальную доску на часовне, и вдруг Гурька спросил:

— Ты слыхал о Дмитрии Пожарском?

— Да.

— Здесь на Соловках, в монастыре, хранилась боевая сабля Дмитрия Пожарского.

— А сейчас она где?

— Не знаю.

— Вот взглянуть бы!..

Митя молчал, а Гурьке хотелось спросить его, не думает ли он, что сабля Пожарского лежит и ржавеет? Но тогда надо сказать и то, что говорил лейтенант Соколов о нержавеющей ненависти народа к поработителям. А с такой речью ему не справиться. Не умел Гурька выражать свои мысли так, как лейтенант Соколов. Поэтому он сказал:

— Пойдем. Чего на эту будку любоваться? Хоть она и в честь Петра поставлена, Великим он назывался, а тоже палач хороший был. Когда приезжал на Соловки, собственноручно бил заключенных.

Гурька набрал снегу, сжал в комок и влепил его в мемориальную доску.

30

В клубе самодеятельные коллективы юнг давали концерт.

До начала концерта в фойе шли танцы. Гурька и Митя рассматривали картины на стенах. Вот изображен морской десант. Моряки идут из воды на берег с

суровыми, решительными лицами, с автоматами и винтовками в руках. Рядом поднимаются водяные столбы от рвущихся снарядов, а вдали маячат корабли, высадившие десант.

На этой же стене висел фотомонтаж, рассказывающий о боевой жизни моряков Северного флота. Тут были портреты героев-североморцев Колышкина, Сафонова, Кислякова, Сивкова, Шабалина, снимки атаки морских пехотинцев на полуострове Рыбачьем, кораблей в боевом походе.

Юнги перешли к картине «Переход Суворова через Альпы». На Гурьку большое впечатление произвел солдат, прыгнувший через пропасть, словно у него выросли крылья и сейчас он перелетит через ущелье.

Гурька направился к картине, чтобы лучше рассмотреть лицо солдата с широко открытым ртом. Дорогу ему пересекла какая-то девочка. Она даже задержалась немного против него, рассматривая надпись на ленточке бескозырки. Гурька спросил:

— Прочитала? Что написано?

— Салага,— спокойно сказала девочка и пошла дальше.

Гурька чуть не подпрыгнул от обиды. Далось же называть юнг салагами! И кто называет? Девчонка! Да как она смеет оскорблять надпись «Школа юнг»! Все девочки его родного города загляделись бы на эту надпись. Драться с девчонками здесь, конечно, нельзя. А жаль: Гурька показал бы ей салагу!

Расстроенный, он пошел к Мите, который стоял уже у другой картины. Хорошо, что за музыкой и шумом танцующих никто не слышал обидного слова этой сероглазой с косичками. Гурька решил не рассказывать Мите о девочке и молча проглотил обиду.

Каково же было удивление Гурьки, когда его место в зале оказалось рядом с местом девочки-задиры. Она сидела слева от него и разговаривала с подругой, словно ничего не случилось и никогда его не видела.

Начался концерт. На сцене хор пел песню про скалистые горы, полуостров Рыбачий и моряка, который тяжелой матросской походкой идет на врага. Эту песню Гурька никогда раньше не слышал. А соседки не переставали шептаться и мешали слушать. Зато теперь

у него есть повод хоть отчасти расплатиться с обидчицей. Покосив глазами по сторонам, он сжал кулак и ткнул девочку в бок, прошипев сквозь зубы:

— Тише, сороки!

Девочка не вскрикнула, чего, откровенно говоря, Гурька ждал от нее, и даже не повернулась к нему, а так больно ущипнула его с вывертом, что Гурька сам чуть не закричал.

Связываться с этой задирой невозможно. Сидевший сзади офицер обратил внимание на их возню и предупреждающе сказал:

— Не балуйтесь.

Митя тоже заметил:

— Нашел с кем связываться.

Гурька притих. Порой он забывал о соседке, хотел устроиться поудобнее в кресле, опереться на подлокотники, но только он собирался это сделать, как девочка тут же выставляла свои острые локотки, и Гурьке приходилось выпрямляться или облокачиваться на спинку стоящего впереди кресла. Она следила за ним и дразнила его.

«Ну, подожди,— думал Гурька,— кончится концерт — поймаю на улице, я тебе припомню».

Но увидеть девочку после концерта не удалось. Исчезла, точно растаяла.

Во второй раз он встретился с ней совершенно случайно, когда командир роты послал его с пакетом в канцелярию.

Девочка шла ему навстречу, и он не замечал ее, засмотревшись, как рота матросов занимается строевой подготовкой. Девочка задела его за руку и сказала:

— Извините.

Гурька узнал задиру и от неожиданности растерялся. А она стояла рядом, улыбалась и смотрела на него совсем приветливо.

— Пожалуйста,— сказал Гурька, не зная, что еще сказать, потому что девочка стояла и не уходила, глядя на него озорными светлыми глазами. На ней было черное пальто с беличьим воротничком и зеленая вязаная шапочка.— Вам куда?

— Туда,— махнула девочка рукой в сторону штаба.

— Значит, по пути.

Девочка повернулась и пошла в сторону, противоположную той, в которую только что шла.

— Вы здесь живете? — спросил Гурька.

— Конечно.

— А... родители тоже?

— Да.

— Мать и отец есть?

— Я живу с мамой.

— А зовут как?

— Кого?

— Вас.

Девочка помолчала немного, потом ответила:

— Матильда.

Гурька удивился такому необыкновенному имени, покосился на девочку, но та спокойно шагала рядом и, кажется, не замечала его удивления.

— А фамилия?

— Да вы что только меня спрашиваете? Вот вежливо!..

Гурька снова смутился и, должно быть, покраснел.

— Меня зовут Гурьяном. А фамилия моя Захаров.

— Очень приятно,— сказала весело девочка.

— А ваша фамилия?

— Моя? Ну, это пока военная тайна. Матильда, и все.

Она повернулась и сказала:

— До свидания.

— Куда вы? Нам же по пути.

— Я передумала. Надо к подруге зайти.

— До свидания.

Матильда пошла обратно, а Гурька смотрел на болтавшиеся на ее спине косички и думал:

«Матильда... Пока военная тайна... А может, просто Матрена и никакая не Матильда. А, кто этих девчонок разберет!..»

Он пошел своей дорогой, продолжая думать о девочке. В прошлый раз щипалась, не давала спокойно слушать концерт, а сегодня разговаривала, улыбалась, и они с ней теперь почти знакомы.

«Хитрая,— решил Гурька.— И смелая тоже».

31

На столике дневального лежат белые, синие, голубые, розовые конверты, самодельные конверты-треугольники, открытки. Юнги шумно разбирают их с радостными возгласами:

— Ура!

— Ваня, тебе два письма!

— А мне, ребята, есть?

— Тебе, Толя, пишут! Скоро придет!

— Давайте я сам посмотрю!

Получивший письмо уединяется, чтобы никто не мешал перенестись мыслями туда, где сам недавно жил и где теперь жили близкие и родные. Отсюда, с острова, дом на Большой земле казался очень далеким.

Первое время, когда приходила почта, Гурька с надеждой шел к столику дневального, но оказывалось, что письма ему нет. Николай получал часто, Алевтина Сергеевна наполняла письма нежными, ласковыми словами, советами и тоской по сыну. Николай иногда давал Гурьке читать свои письма, и Гурька вспоминал о своей матери. Будь она жива, и у нее тоже нашлись бы для него хорошие, материнские слова.

Письмо Гурьке все не приходило и не приходило. Что же с отцом? Почему он не отвечает на его письма? Гурька не мог допустить, чтобы с отцом случилось в госпитале что-нибудь плохое.

Он уже не бегал сломя голову к столику дневального, а терпеливо ждал в сторонке, не крикнет ли кто-нибудь, что ему тоже есть письмо. Случалось, что и кричали, но это была шутка, она больно ранила сердце, и он готов был избить шутника.

На этот раз Гурьки в кубрике не было. Он дежурил по классу и задержался: приводил его в порядок для передачи следующему дежурному. А когда вошел в кубрик, еще от двери увидел у себя на подушке долгожданный голубой конверт. Сначала подумал, что ошибся — смотрит не на свою койку, потом решил, что кто-нибудь случайно бросил ему чужое письмо. Он подбежал к койке и сразу узнал на конверте почерк отца. Схватил письмо и некоторое время вертел его в руках, не зная, с какого конца разорвать конверт.

Все письмо Гурька прочитал быстро и сразу, потом принялся перечитывать медленно, каждое предложение в отдельности, вглядываясь в неровные буквы дорогого почерка.

Василий Михайлович писал:

«Дорогой мой сынок Гуря!

Долгое время меня возили из одного госпиталя в другой, и я не знал, когда этому придет конец. Потом привезли в Сибирь. Здесь мне стало хуже, и я едва поправился. Писем я ни от кого не получал и не знал, что немцы убили нашу дорогую маму, а ты остался один.

Я сейчас снова в строю. Бьем проклятых извергов-фашистов и гоним их с нашей земли.

Вчера мы ненадолго задержались в деревне, которую освободили.

Деревни нет. Ее сожгли гитлеровцы. Из жителей почти никого не осталось. Гады согнали их в школу и сожгли живыми. Из всего населения осталось две старухи и девочка твоих лет. Живут они вместе, в одной яме, то есть в землянке. Мы им дали хлеба, сахару и немного пшенного концентрата. Больше ничего не успели для них сделать. Надо скорее вызволять других наших людей.

Твое решение учиться в школе юнг я одобряю. Спасибо товарищам из райкома комсомола, что они позаботились о тебе, хотя ты еще не комсомолец.

Уверен, что из тебя выйдет хороший мститель за нашу маму, за все.

С тем и остаюсь твой отец

В. Захаров».

К Гурьке подошел Николай и спросил:

— Получил?

— Получил.

— Что отец пишет?

— Возьми вот, почитай.

— Давай.

— А ты сегодня тоже получил? Дай почитать.

— Да что мать напишет интересного? Вздохи да наставления разные.

— Так ведь мать! Ну, давай, давай! Мне все-таки интересно. А как же! Из родного города.

Николай достал из кармана письмо матери и протянул Гурьке.

Алевтина Сергеевна писала:

«Милый, дорогой Коленька!

Почему ты так редко пишешь нам? Я очень по тебе скучаю и уже сто раз ругала себя за то, что отпустила тебя.

Береги себя, мой дорогой. Сейчас у вас, наверное, ужасные морозы. Ведь ты еще маленький. Помни: береженого бог бережет. Послала бы тебе денег, да ты не пишешь, нужны ли.

Немцы нас, слава богу, больше не тревожат, и мы живем помаленьку.

Пиши, как твои успехи и здоровье. Хотелось бы повидать тебя, но не знаю, как это сделать.

Целую тебя, мой хороший.

Твоя мама».

Внизу другим почерком было написано:

«Коля, честно служи Родине. Народ наш победит врага. Всем, чем можно, надо помогать ему в этом. А ты, надеюсь, расстался с прежними привычками, хорошо ведешь себя и учишься.

Папа».

Адрес на конверте тоже был написан рукой Кузьмы Антониновича.

Гурьке больше понравилось то, что писал Николаю отец, хотя еще несколько минут назад он желал почитать именно письмо матери: ведь нет у него мамы, а он так истосковался по материнской ласке.

32

Наступила весна. Бухта Благополучия освободилась ото льда. В зимнее время единственным средством связи острова с Большой землей были самолеты. Теперь в бухту снова заходили суда. Учебный катер-охотник с двумя небольшими пушками покачивался у пирса. Юнги уже несколько раз были на катере и с нетерпением ждали, когда они выйдут в море.

Старшина первой статьи Цыбенко, моторист по специальности, помогал инженер-капитану Вукулову во время практических занятий, и юнги второй смены снова встретились с ним.

Командиром катера временно был назначен лейтенант Соколов.

Под руководством Вукулова юнги хорошо изучили двигатель, и теперь каждому хотелось проверить свои знания на практике.

Наконец наступил день, когда инженер-капитан Вукулов объявил, что завтра юнги выйдут в море.

Весна была в разгаре, и вдоль дорог бежали шумные ручьи. Из разлившихся озер в них попадала рыба. Кое-где ручьи были совсем мелкими, и заплывших сюда окуней можно было ловить руками. Но на трепыхавшуюся в траве рыбу никто не обращал внимания.

Весенний ветерок играл ленточками бескозырок. Юнги шли к пирсу и пели:

По морям, по океанам
Красный вымпел над волной...

Гурька шагал в крайней шеренге и косил глазами на идущего рядом старшину. Цыбенко решил во время похода заняться с юнгами морской практикой. А Гурьке хотелось сразу попасть к двигателю. Допустят ли? Может, заставят скатывать палубу, вязать узлы, драить металл? К двигателю бы!..

Но такой уж это был везучий день!.. Как только юнги ступили на палубу, лейтенант, обращаясь прямо к Гурьке, скомандовал:

— Механизмы осмотреть и провернуть!

Гурька стрелой бросился к люку моторного отделения. Он хотел все сделать сам. Но у моторов уже стоял старшина первой статьи Цыбенко.

— Товарищ старшина первой статьи,— обратился к нему Гурька.— Приказано осмотреть и провернуть механизмы.

— Давайте будем осматривать.

— Товарищ старшина первой статьи, разрешите мне самому?

Цыбенко будто угадал настроение Гурьки и, помедлив немного, чтобы придать больше значимости моменту, разрешил:

— Добро.

И после этого Гурька уже не отходил от мотора.

Стрелка телеграфа дрогнула, прыгнула и остановилась у надписи: «Самый малый вперед!»

Гурька машинально двинул руками, услышал, как рокотнул, проворачиваясь, вал машины, но, кажется, Гурька сделал это слишком нерешительно, потому что Цыбенко положил свою широкую ладонь поверх его руки и плавно добавил оборотов. Рокот мотора круто загустел, и стрелка тахометра * резко двинулась вперед.

— Так держать,— сказал старшина.

— Есть так держать!

Хотя не все получалось хорошо, но Гурька торжествовал. Мощный мотор был в его руках, Гурька мог его остановить и запустить снова, если это понадобится.

Но не успел Гурька как следует опомниться, как сверху поступила новая команда:

— Стоп!

Гурька остановил мотор и похолодел: «Может, что-нибудь сделал не так?»

Но стоящий рядом Цыбенко спокойно улыбался.

Гурьку сменил у двигателя Митя Коробков. У других моторов стояли Лизунов и Жора Челноков. Каждый из них выполнял команды лейтенанта, а старшина и инженер-капитан Вукулов следили, как они исполнялись юнгами.

Гурька поднялся на палубу. Винты будоражили утреннюю гладь моря, и за кормой вскипали буруны, оставляя за катером широкий пенистый след. Вверху хлопало на ветру полотнище военно-морского флага.

33

Лизунов получил телеграмму: мать сообщает, что тяжело заболела, и просит немедленно выехать домой.

В тот же день Николай получил отпуск. На пароходе «Краснофлотец» он выехал в Рабочеостровск. В Кеми пересел с пригородного на поезд дальнего следования. В вагоне ехали одни военные. Школа юнг

* **Тахометр** — прибор для измерения оборотов.

открылась недавно, и никто еще не видел такого маленького хлопчика в морской форме. Прослужив несколько лет в Заполярье, где гражданского населения почти не было, весь военный народ вагона был рад встрече с маленьким человеком, который, хотя и одет во все флотское и старался казаться взрослым, все-таки оставался мальчиком. Один матрос уступил место на средней полке, другой угощал рыбой. Скоро все узнали, как его зовут и сколько ему лет, узнали, что у него серьезно заболела мать, сочувствовали и утешали.

— Мама твоя поправится,— говорил матрос, уступивший Николаю полку.— Вот приедешь, увидит она тебя и поправится. Помяни мое слово, поправится.

Другой, с забинтованной рукой, ехавший куда-то в Сибирь, сказал:

— Эх, моего бы племянника Славку в эту вашу школу! На годок постарше тебя. Уж так ему хочется стать моряком!..

— Летом, наверно, новый набор будет. Пускай подаст заявление в райком комсомола.

— А как ты думаешь, примут?

— Если он физически ничего...

— Парень крепкий. Седьмой класс кончает.

— В радисты, значит, возьмут. С семью классами на радистов учат.

— Специальность хорошая. А ты мотористом будешь?

— Да.

— Тоже хорошо. И вообще на флоте все специальности хороши и нужны. На корабле что артиллерист, что минер, что моторист — одна семья. Не то что в пехоте. Там кто в поле, кто в лес по дрова. Артиллерист говорит: «Я бог войны». А пехота заявляет: она царица полей. Все боги да царицы... Старорежимье какое-то...

Николай весело рассмеялся. Лежавший на верхней полке солдат откликнулся:

— Неправильные твои разговоры, Семен. Вообще на флоте...

Семен перебил:

— На флоте не как в пехоте. Поговорка есть такая: пехота, не пыли!..

И началась взаимная подначка. На нее моряки

особенные мастера, но и солдат за словом в карман не лез и любил говорить складно.

— Флоту без пехоты не взять вражьи доты.

Семен парировал:

— Доты... Видели мы их в финскую кампанию, да такие, что покрутилась бы эта самая пехота вокруг дота без флота.

— Флотский, известно, до тех пор бахвалится, пока в море не свалится.

— Флотский моря не боится. Пехоте море — горе.

Эта веселая словесная перепалка кончилась ужином, потом все вместе затянули:

Споемте, друзья, ведь завтра в поход
Уйдем в предрассветный туман.
Споем веселей, пусть нам подпоет
Седой боевой капитан...

У Беломорска поезд обстреляли немецкие самолеты. Убитых не было, но путь впереди оказался разрушенным. Пассажиры пошли до города пешком.

На вокзале Николаю пришлось просидеть полсуток: ждал поезда на Вологду.

Матросы ушли в продпункт получать по аттестатам паек. Солдат и Николай сидели в уголке зала ожидания.

Николай все время думал о матери: что с ней случилось? Она прихварывала часто, жаловалась то на голову, то на сердце, но никогда не болела подолгу и серьезно.

Заметив, что Николай невесел, солдат, взяв его за подбородок, сказал:

— Подними до места нос, а то он у тебя повис, как гюйс * в штилевую погоду.

Николай поднял на солдата глаза. Откуда у него взялось столько морских словечек?

— Чего уставился?

— Откуда же вам знать, что такое гюйс?..

— Гм... А ты думаешь, что в пехоте не может быть моряка? А если потребуется, чтобы моряк помог пехоте на суше?

* Гюйс — военно-морской флаг. Поднимается на носу корабля вместе с кормовым флагом с 8 часов утра.

— Вы моряк?

— Самый доподлинный. Электриком я на корабле плавал. Вот...

Солдат развязал вещевой мешок и достал бескозырку с муаровой гвардейской ленточкой.

— А почему вы не носите ее?

— Приеду домой — надену. А пока вот только это не снимаю...

Солдат расстегнул ворот гимнастерки, и Николай увидел тельняшку.

— Почему вы не сказали тогда, в вагоне?..

— А чего говорить? С Семеном мы просто шутили. Он ведь зачем весь разговор затеял? Видит, что ты нос повесил, о маме горюешь. Ну и, чтобы тебя от этих мыслей отвлечь, начал шутить. Сразу-то и я было не понял его, думал, серьезно. А с Семеном мы кореши. Он тоже моряк, электрик, понятно?

— А я-то думал!..

— Думал, думал. Сказано же, моряки — одна семья. А раз ты запечалился, ну, как тебя оставить, чтобы ты невеселый был! То-то...

34

В Вологде Николай расстался с друзьями матросами. Здесь пришлось сделать еще одну пересадку.

Когда оформил проездные документы на следующий поезд, отправил домой телеграмму.

Почти всю остальную часть пути Николай лежал на верхней полке, думая о том, как встретится с отцом и матерью, вспоминал о своих одноклассниках Толе Зубихине и Аркаше Заводчикове. Они, конечно, сразу же прибегут к нему, как только узнают, что он приехал, будут завидовать и расспрашивать о флоте, пригласят к себе в класс. Классная руководительница Майя Трофимовна поведет его показывать учителям и будет говорить о нем только хорошее, а не жаловаться на него, как бывало прежде, что он испортил парту, вырезав ножом свои инициалы.

В поезде на верхней полке было тепло и немного душно. Николай заснул.

— Коленька! — услыхал он голос матери, как только появился в дверях еще не совсем остановившегося вагона.— Коленька!

Наконец Николай сошел на перрон, и мать обняла его, целуя и плача.

— Мама, ты болеешь?

— Болею. Но теперь мне лучше.

— А папа?

— Папа недавно уехал на Урал. Там новый завод строит. Я сообщила ему телеграммой, что ты приезжаешь, и он завтра же прилетит.

— А ты, мама, в самом деле болеешь?

Алевтина Сергеевна посмотрела на сына большими влажными от слез глазами.

— Ты же знаешь, что у меня слабое здоровье. Папа уехал, и я почувствовала себя совсем плохо. Врач Никита Федорович — ты знаешь его — заверил мою телеграмму, чтобы вызвать тебя. Я так по тебе истосковалась. Ну, дай я посмотрю на тебя. Ах ты, мой морячок! Но если бы не папа...

Она не договорила, взяла Николая за руку, и они пошли.

Николаю неудобно было идти так с матерью. Чтобы отнять у нее свою руку, он решил поправить вещевой мешок, засунув пальцы за лямки, да так и шел.

Около самого дома, в котором жили Лизуновы, встретился Толя Зубихин. Он шел из школы. Николай хотел, чтобы Толя сейчас же пошел к нему, но Алев-

тина Сергеевна снова взяла Николая за руку и сказала:

— Коле надо отдохнуть. Приходи, Толя, завтра.

— Завтра с утра приходите с Аркашей,— сказал Николай, краснея оттого, что мать взяла его за руку, как маленького.— Обязательно приходите.

Дома мать спросила:

— Кушать будешь?

— Буду, мама.

35

На другой день зашли Толя Зубихин и Аркаша Заводчиков. В школе они занимались во вторую смену и до уроков пробыли у него. Они долго расспрашивали о школе юнг. Толя попросил у Николая примерить бушлат и бескозырку, а потом уже не снимал их, хотя в комнате было тепло и скоро с Толи полил пот.

— Знаете, какие морские узлы бывают? — спросил Николай товарищей, и когда те признались, что о морских узлах они только что-то слыхали, но по-настоящему ничего не знают, принялся показывать им на шнуре: — Вот этот узел вы, конечно, знаете. Это прямой узел, каким бабы и вообще все гражданские завязывают. А вот как вяжется рифовый. Попробуй, сорви его.— Он подал Толе узел, тот потянул его за один конец, потом за другой, но узел держался.— А вот, смотри. Раз!.. И узла нет. Если бы найти подходящий трос, я показал бы вам беседочный и боцманский узлы. Они посложнее. А вот «кошачьи лапки».

Толя спросил:

— А почему это говорят, что корабль идет со скоростью стольких-то узлов в час?

— Неправильно говорят. «В час» не надо говорить. Просто: корабль идет со скоростью, например, тридцати узлов. Если корабль проходит один узел, то значит, он проходит одну милю в час. Миля в час и есть узел. А чему равняется одна морская миля? Одной тысяче восьмистам пятидесяти двум метрам. Есть еще кабельтов. Это десятая часть мили.

Потом Николай рассказал о Соловках, о множестве рыбы в озерах, о древнем кремле.

Аркаша сначала внимательно слушал, потом решил рассказать Лизунову, как они, ученики седьмого класса, пока тот был на Соловках, не только учились в школе, а собирали металлический лом, готовили подарки для бойцов фронта, организовали тимуровскую команду и помогали семьям тех, кто воевал.

— Толина фюзеляжная модель,— сказал Аркаша,— установила новый городской рекорд.

— Правда, Толик?

Зубихин хотел вытереть выступивший на лбу пот рукавом, но пожалел бушлат и, смахнув его ладонью, ответил:

— Правда.

— Трави баланду! — усмехнулся Николай скорее для того, чтобы щегольнуть морским словечком.

— Нет, правда, правда.

— Трави до жвака-галса!

— А что такое жвака-галс *?

Николай снова овладел вниманием товарищей. Он рассказывал, а его слушали. Теперь он чаще вставлял «полундру», «амбу», «курс», «дрейф», «пеленг» и другие мудреные морские слова.

Аркаша все-таки выбрал момент и спросил:

— Захаров как там?

— Ничего, вкалывает.

Толя сказал:

— А отец его здесь, в городе.

— Ну?!

— Правда, правда. По ранению приехал. Вторично ранен. С костылями ходит. В ногу ранили его. Мы ему сказали о тебе. Обещал зайти к вам.

— Вот здорово! Гурьку бы сюда. Нельзя. Не отпустят.

— А тебя отпустили?

— Меня? У меня мать больная. Врач телеграмму заверил.

Николай почувствовал себя неловко и заторопился приглашать друзей на вечер, который решила устроить мать в честь его приезда.

---

* Жвака-галс — короткая цепь для прикрепления якорной цепи к судну. Здесь: «Трави до жвака-галса» — ври до конца, до последнего.

Василий Михайлович Захаров зашел к Лизуновым вскоре после того, как от них ушли Толя и Аркаша.

Гурькин отец был высок, крепко скроен, взгляд серых глаз у него прямой, открытый. На фронте Василий Михайлович считался человеком храбрым, но у Лизуновых он как будто немного стеснялся и в то же время очень радовался, что увидел Николая, Гурькиного товарища, которого он хорошо знал раньше.

— Моряк! — воскликнул он, глядя на Николая.— И Гурька мой, следовательно, таким же манером одет? Моряки — сила! На юге немцы зовут их «черной смертью». Очень боятся немцы моряков.

Он то вертел в руках костыль, то клал его рядом с собой на стул, то ставил и опирался на него.

— Гурьян-то там как, а?

— Служит.

— Служит? Ишь ты! А школа ваша где находится?

— На Соловках. Остров есть такой в Белом море.

— Там монастырь, что ли, до революции был?

Николай рассказывал о Соловках, о том, как ехали туда, как строили землянки, об учебе и первых выходах в море.

Василий Михайлович слушал, кивал головой, вздыхал, а иногда удивлялся:

— Скажи, а!..

В конце он справился:

— А немецкие самолеты у вас не бывают? Ну, это хорошо, если они, подлецы, туда дорогу еще не узнали. Я думаю поехать туда, на Соловки. А что мне здесь делать? Воевать я пока не могу, так хоть с сыном повидаюсь. Сам-то ты когда собираешься обратно уезжать?

— Он еще поживет дома,— вмешалась Алевтина Сергеевна.— Отпуск у него кончится через восемь дней, тогда и поедет.

— А... Конечно, конечно, пускай поживет.

Василий Михайлович расспросил Николая о дороге и сказал, что завтра же оформит документы и отправится в путь. Он ушел, отказавшись от чая.

Вечером, когда к Лизуновым собирались гости, с Урала прилетел Кузьма Антонинович.

— Ну, моряк, как идет служба?

Отец обнял и поцеловал Николая, но при посторонних ни о чем больше спрашивать не стал.

К Николаю снова пришли Толя и Аркаша. Пришли две девочки: Соня Петрухина и Зина Мамусина — одноклассницы Николая. Из взрослых были врач Никита Федорович Отливанников, администратор из театра Павел Петрович Сосновский и начальник сбытовой конторы Сергей Павлович Подплужников с женой.

Мальчики и девочки пили чай. Мужчины выпили водки, а Алевтина Сергеевна и жена Подплужникова Анастасия Марковна — по рюмочке портвейну.

Соня Петрухина не спускала с Николая глаз. Она о чем-то шепталась с Зиной, бледной и застенчивой девочкой, жившей в одном доме с Николаем, через площадку напротив.

Когда напились чаю, Николай пошел со своими друзьями к себе в комнату.

Соня сказала, что в субботу в школе будет вечер седьмых классов.

Аркаша предложил написать юнгам письмо, обсудить его на вечере и потом послать с Николаем.

— О чем же мы напишем юнгам? — спросил Толя.— О двойках да пятерках?

— И об учебе напишем,— ответил Аркаша.— Ведь они тоже учатся.

— Учеба учебе рознь,— не сдавался Толя.— Как ты думаешь, Николай?

Николай, конечно, не мог согласиться, чтобы школу юнг Военно-Морского Флота равняли с гражданской школой. Но он не успел ответить Толе. Его опередила Соня:

— Вот и неправильно. За знания надо везде бороться. А потом это интересно — переписываться с юнгами. Правда, Николай? Ведь вам тоже будет интересно получать от нас письма?

— Да, это неплохо придумано,— согласился Николай.

Он уже устал рассказывать про школу юнг и Соловки, а к нему все приставали с расспросами, и он отвечал неохотно и коротко.

Почти все примерили бушлат и бескозырку Николая. Толе хотелось примерить и тельняшку, но раздеваться при девочках было неудобно. А те заспешили:

— Пойдем, Соня.

Николай пошел проводить девочек. Зина простилась, как только вышла на площадку. Света на лестнице не было. Николай поддерживал Соню за руку, чтобы она в темноте не оступилась.

Когда спустились вниз, Соня спросила:

— На вечер придешь?

— Обязательно приду.

— А ты пораньше. К нам в класс приходи.

— Хорошо.

Николай наклонился и поцеловал Соню в щеку. Она отшатнулась и сказала:

— Ну, вот, выдумал тоже... Я скажу матери.

И убежала.

Вскоре гости разошлись. Лежа в постели, Николай слышал, как в столовой нервно ходил отец. Доносились отдельные его слова:

— Нехорошо... Не надо этого было делать... Права и обязанности у всех одинаковы... Ты портишь его...

А мать плакала.

36

Вторые сутки катер находился в плаванье, далеко от Соловков, в самом горле Белого моря.

В небольшом кубрике свободные от вахты юнги и матросы играли в домино.

Гурька лежа читал рассказы Леонида Соболева «Морская душа».

Ему особенно понравился рассказ «Соловей» об электрике с миноносца «Фрунзе». Этот матрос обладал удивительной способностью к звукоподражанию: издавал звуки свистящего снаряда, квохтанье курицы, визг пилы, лай щенка, отдаленный гул самолета, посвист иволги и утиный кряк. Товарищи оставили его в спрятанной в камышах шлюпке, а сами ушли в тыл врага.

Матрос должен был охранять шлюпку до их возвращения. Он один выдержал бой с румынами и, смертельно раненный, пел по-соловьиному, давая этим знать товарищам, где надо искать его.

Конец рассказа, где говорится, как матрос пел свою,

может быть, последнюю песню, Гурька читал со слезами на глазах.

С сожалением он расстался с полюбившейся ему книгой, положив ее себе под подушку, и поднялся на палубу: скоро заступать на вахту.

Оба дня, пока катер находился в море, серые сплошные тучи не сходили с неба. Густой, как завеса, туман вползал узкой полосой из Баренцева в Белое море.

Бомбы взрывались на небольшой глубине. При этом море точно лопалось. Высоким мохнатым султаном поднимался водяной столб, а от него молниями разносились во все стороны водяные стрелы.

Навстречу катеру шел караван транспортов — громадные грузовые суда под охраной эсминцев.

За спиной Гурьки кто-то воскликнул:

— Вот это сила!

Гурька оглянулся и увидел Жору Челнокова. Черные глаза приятеля возбужденно блестели.

— Гурька, а!..

Корабли шли неторопливо, точно устали после долгого пути, и теперь им уже не надо спешить. Только в стройных с четкими острыми обводами эсминцах угадывалась какая-то порывистость, как будто их придерживали, а им хотелось ринуться вперед.

— Интересно, немцы нападали на них или не нападали?

Гурька пошутил:

— А ты спроси. Возьми сигнальные флажки и просемафорь: «Доложите, встречались ли вы с немцами?»

— Да, так они и ответят!

А каравану, казалось, не было конца. Десятки кораблей вытянулись в одну кильватерную колонну. Над некоторыми из них невысоко висели серые баллоны аэростатов заграждения. Взгляд привлекли броня эсминцев и стройные стволы их орудий. Корабли шли без дыма. Но от работы множества машин над морем стоял глухой утробный гул.

Поднятые винтами кораблей волны докатывались до катера, ударялись о невысокий борт и рассыпались брызгами, сливались с пенистым следом в кильватере.

37

Между тем катеру пора бы уже возвращаться к Соловкам. Но лейтенант Соколов решил дойти до мыса Воронова, через который в Белом море проходит Северный Полярный круг.

Юнгам тоже хотелось достичь Полярного круга. Они столько читали об исследователях Северного полюса, о папанинцах, что Северный Полярный круг для них казался чем-то очень заманчивым, хотя от него до полюса еще очень и очень далеко.

Тучи на небе сползали на восток, и море посветлело. Белые чайки пролетали над волнами, высматривая добычу. Иногда они падали на воду и оставались на ней, как маленькие комочки ваты.

Гурька спустился в моторное отделение и заступил на вахту. Двигатели ровно гудели на одной баритонной ноте. Все было в полном порядке.

Митя Коробков свистнул резким мальчишечьим свистом сквозь зубы и, когда Гурька повернулся к нему, поманил рукой:

— Иди сюда.

Гурька подошел к Мите, вытирая ветошью руки.

— У нас есть предложение,— сказал Митя, показывая глазами на стоявшего рядом Жору Челнокова и Петушка.— Вернемся из похода — и на рыбалку. Как ты думаешь?

Петушок спросил:

— А с удочками как быть? Моя осталась в Савватьеве.

Да, самодельные удочки остались в Савватьеве. Когда смена переезжала в кремль, никто не догадался захватить их с собой.

— Удочки сделаем,— успокоил Митя.— Недавно я зашел в магазин. Крючков, лесок, поплавков — прорва! Наверное, еще довоенные.

Гурька спросил:

— А деньги?

Денег ни у кого не имелось. Да на Соловках в них и не было нужды.

Все стояли и молчали. Каждый думал о том, где можно достать денег. Разумеется, можно сделать крючки и самим. Рыбы в озерах очень много, клевать все

равно будет. Но если в магазине есть настоящие крючки, поплавки и грузила, то лучше бы обзавестись ими.

Юнги не успели прийти к какому-либо решению, как вдруг всем им показалось, что моторы остановились, хотя в то же время все отчетливо видели, что они продолжают работать.

Два сильных взрыва ударили за кормой катера. Без сомнения, это взрывались глубинные бомбы. Но почему же нет сигнала боевой тревоги?

Каждый встал на свое место. Телеграф требовал исполнения новых и новых команд. Катер поворачивал то в одну, то в другую сторону, сбавляя ход, а потом несся на максимальной скорости.

К моторам кубарем скатился Цыбенко.

— Немцы! — крикнул он.

Юнги так и застыли на местах.

— Немецкая подводная лодка здесь,— рассказывал Цыбенко.— Мабуть, стояла на позиции, ждала караван. Эх, не взяли мы с собой акустика! Без него як без очей. Бомбили вслепую.

— Лодку видели? — спросил Жора.

— Лейтенант побачив перископ...

— А может, потопили? — спросил Гурька.

— Не зрозумию,— сказал Цыбенко.— Вряд ли. Всего скорей ушла или лежит на дне и ждет, когда мы уберемся отсюда. Хиба можно было ожидать ее здесь?

— А может, то был не перископ? — усомнился Петушок.

Сверху поступила команда остановить моторы и соблюдать тишину.

Гурька обратился к Цыбенко:

— Товарищ старшина первой статьи, разрешите взглянуть?

Цыбенко поколебался немного, потом сказал:

— Побачь. Тильки тихо.

Гурька поднялся на палубу. У изготовленных к бою пушек стояли матросы. На бомбосбрасывателе лежали глубинные бомбы. Там тоже стояли два матроса и инженер-капитан Вукулов.

Шум от Гурькиных шагов заставил всех повернуться к нему. Один из матросов погрозил ему кулаком и сделал знак, чтобы он стоял на месте и не двигался.

Гурька замер.

38

Немецкие военно-морские силы на севере старались наносить удары по советским коммуникациям. Другого они ничего не предпринимали. Их подводные лодки караулили идущие в наши порты караваны судов. Для этого они выбирали наиболее выгодные позиции у входа в Кольский залив, чтобы перехватить здесь идущие в Мурманск суда. Случалось, что некоторые из них обнаруживались у входа в Белое море. Но лейтенант Соколов никак не мог предположить, чтобы немцы могли забраться так далеко. Поэтому, когда он увидел на поверхности воды хорошо различимый «ласточкин хвост» — след от перископа, а потом и сам перископ, сначала подумал, что это своя, советская подводная лодка. Но тут же появилось сомнение: зачем нашей лодке ходить в своих водах под перископом на виду у катера-охотника? Да и делать ей здесь как будто нечего. Советские подводные лодки топили корабли фашистов там — в их же базах, в норвежских фиордах или на подходах к ним.

Если это немецкая лодка, то надо немедленно атаковать ее.

Но если лодка окажется своей? Перископ ее быстро скрылся под водой. Все это было до крайности странно. Советская лодка прячется в своих водах? Прошедший караван судов... Может, немцы гнались за ним, увлеклись и прошли сюда?

Лейтенант сперва не знал, что делать. А решение должно быть принято мгновенно. Промедление при встрече с врагом в море недопустимо. Лейтенант приказал сбросить две бомбы.

После этого он подождал, не обнаружит ли чем-нибудь себя лодка. Если бы это была советская, она всплыла бы. Лодка не показывалась. Ясно, что в горло Белого моря забрался коварный враг.

Принялись сбрасывать бомбы по всему участку, где был замечен перископ. У орудий встали матросы.

Однако это была охота вслепую, когда ловящий добычу совершенно лишен слуха, и тот, кто скрывается, мог пройти незамеченным рядом. В составе команды учебного катера акустика не было. Надежды на успех при этих условиях почти никакой. Если ни одна из

бомб не задела лодку, то немцы просто не будут связываться с катером и уйдут из опасного района.

Но уйдут ли? Ведь им неизвестно, что катер лишен слуха. Они побоятся выдать себя и, даже не подозревая о выгодности своего положения, затаились, ждут, когда катер уйдет отсюда. Чуткое ухо немецкого акустика напряженно слушает, что происходит на поверхности моря. Выиграет тот, кто перехитрит, у кого окажется крепче воля.

Все, кто в это время был наверху, зорко следили за морем. Но на его спокойной поверхности ничего, кроме масляных пятен, не видно. В открытом Баренцевом море такие пятна могли бы вызвать подозрение. Они могли свидетельствовать о том, что немецкая лодка повреждена и лежит затопленная на дне. Но здесь, где только что прошел огромный караван, где ежедневно по одному и тому же месту в Архангельск и обратно проходит столько кораблей, небольшие масляные пятна почти ни о чем не говорят. Одно пятно было больше других, и появилось оно вскоре после того, как были сброшены первые бомбы. Но что это пятно от машинного масла, которое вытекло из лодки, у Соколова не было никакой уверенности.

Лейтенанту скоро показалось, что он ставит себя в глупое положение. Его попытка выследить подводную лодку немцев походила на детскую игру в кошки и мышки. Он решил возвращаться к Соловкам, отказавшись от намерения дойти до Северного Полярного круга. Встреча с немцами требовала быстрого возвращения домой.

39

Все остальное произошло так же неожиданно, как и первая встреча с подводной лодкой.

Гурька продолжал нести вахту, когда прозвучал сигнал боевой тревоги. Катер снова начал часто менять ход. Наверху раздавались выстрелы из орудий.

Как Гурька оказался на палубе у орудия и стал подавать заряжающему снаряды, он плохо затем себе представлял.

...Немецкая лодка была обнаружена в надводном положении на обратном пути, недалеко от места, где ее

караулил лейтенант. Глубинной бомбой повредило ее корпус. Некоторое время немцы пытались спастись от гибели или сдачи в плен. Затопленным оказался только один отсек. Потом при попытке уйти на большую глубину корпус лодки сдал еще в нескольких местах. Немцы подвсплыли, чтобы уменьшить давление воды на корпус лодки, и пытались уйти от советского катера. Это им не удалось, и они вынуждены были принять решение: дать последний бой в надводном положении. Выбраться живыми из Белого моря они уже не рассчитывали.

Об этом потом рассказал один из пленных немцев, когда лодка была потоплена и катер подобрал несколько плавающих в море гитлеровцев.

Немцы первыми выстрелили из орудия по катеру. Потом началась дуэль, в немногие минуты и даже секунды которой решается исход боя.

Немецкие подводники оказались плохими артиллеристами. Матросы на катере были новичками. К тому же спустившиеся сумерки мешали точной стрельбе. Бой затянулся.

Матрос, подававший снаряды до Гурьки, был убит. Отнести его в сторону от орудия не было времени. Гурька даже не замечал, что топчется в крови. Все его внимание было сосредоточено на одном — не задерживать снаряды. Получалось у него это не очень аккуратно, и заряжающий рычал на него, но Гурьку так сразу захватила лихорадка боя, что он все пропускал мимо ушей. Слышал только грохот выстрелов, а в сознании жило единственное требование:

— Быстрей! Быстрей!

Потом ничего не стало: ни выстрелов, ни моря, ни подводной лодки врага. Но кругом была вода. Гурька лежал в ней. Она лилась сверху, с боков, множеством струек. Гурька начинал кричать, но голос его гас в груди, как в стенах старого монастырского острога. Потом струйки превращались в острые клинки. Гурька тянулся к ним руками, чтобы схватить хотя бы один из них, но сабли вновь превращались в водяные струи,

удивительно горячие, такие горячие, что от них болело тело. Особенно больно жгли они грудь.

Он пришел в себя на госпитальной койке.

Чей-то женский голос звал:

— Галя... Галя...

— Мама, он открыл глаза.

Гурька действительно открыл глаза и увидел над собой чье-то лицо и две болтавшиеся косички.

— Мат... Мати...

Гурька узнал девочку. Он хотел сказать «Матильда», но у него ничего не вышло.

— Не надо,— сказала девочка.— Пить хочешь?

У Гурьки жгло внутри, и он хотел сказать «хочу», но слово застряло в горле, и он смог только беззвучно пошевелить губами.

Девочка исчезла, и вместо нее появилась женщина в белом халате. Она улыбнулась и сказала:

— Ну вот и хорошо.

Снова появилась девочка. Она сказала женщине:

— Я сама, мама.

Она положила Гурьке под голову свою руку, помогла приподняться и приложила к его губам кружку с водой.

— Пей.

Гурька сделал несколько глотков, и у него как будто прибавилось сил. Наконец он выговорил:

— Матильда.

Девочка засмеялась.

— Никакая я не Матильда вовсе. Я Галя. Галя Солнцева.

— Я знал...

Но что знал Гурька, сказать он не смог. Сознание снова покинуло его...

И все-таки юность взяла свое. Силы у Гурьки прибавлялось, рана в груди заживала, и он стал быстро поправляться.

Каждый день к нему приходили юнги. Все они старались сделать что-нибудь приятное Гурьке, кормили его свежей рыбой, рассказывали о школьных новостях. Лейтенант Соколов уехал на флот. Гурьку и еще нескольких участников похода к Северному Полярному кругу за потопление немецкой подводной лодки представили к награде.

Каждый день приходила Галя, оказавшаяся дочерью медицинской сестры госпиталя Веры Даниловны Солнцевой. Они обе ухаживали за ним. Галя набрала на суровой земле острова небольшой букет цветов и принесла его Гурьке.

Однажды она вошла в палату веселая, улыбающаяся.

— К тебе гость,— сказала она.

Гурька подумал, что это кто-нибудь из юнг снова пришел навестить его, поэтому спросил:

— Чего же он не входит?

— Сейчас войдет. А ты отвернись к стене, не смотри пока.

— Ну вот еще, выдумала! С чего я буду отворачиваться к стене?

Галя сделала строгое лицо, хотя сейчас ей это плохо удавалось, и тоном, не терпящим возражения, сказала:

— Больной Захаров, слушайтесь!

Гурька решил принять условия игры, которую затевала Галя, и повернулся лицом к стене. Он слышал, как легкими шагами она подошла к двери и кому-то сказала:

— Входите.

В палату вошел кто-то на костылях. Гурька слышал, как костыли стучали о пол, приближаясь к его койке. Он не стал ждать, когда ему позволят повернуться обратно, оглянулся и увидел отца.

— Папа!

— Гуря! Сынок!

Отец сделал несколько поспешных шагов, и они обнялись.

*

Вишнев П. П.

В55 Юнги. Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство, 1975.

112 с. с ил.

Повесть о мальчишках-добровольцах, которые вместе с отцами и братьями встали на защиту своего Отечества.

Друзья из маленького советского городка мечтали стать моряками, попасть на военный корабль. Как осуществилась эта мечта — рассказывает повесть «Юнги».

В $\frac{0763-079}{М\ 158(03)-75}$ 2

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ ВИШНЕВ ● ЮНГИ

Редактор С. В. Марченко. Художественный редактор Я. И. Черняхов. Технический редактор Л. М. Голобокова. Корректоры М. А. Казанцева, Л. А. Гупало. Сдано в набор 8/VII 1974 г. Подписано в печать 21/X 1974 г. НС 24311. Бумага тип. № 2. Формат 84×108/32. Уч.-изд. л. 5,8. Усл. печ. л 5,8. Тираж 100 000. Заказ 419. Цена 18 коп. Средне-Уральское книжное изд-во, Свердловск, Малышева, 24. Тип. изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.

18 коп

СВЕРДЛОВСК СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО 1975 г.